Kassirov, I.

IApancha, tatarskii naiezdnik

Moskva

1916

Reel: 49 Title: 7
Kassirov, I.

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCl00049.07

Control Number: ADY-2259
OCLC Number: 30482391
Call Number: 381.5917B K154i no.1
Author: Kassirov, I.
Title: IApancha, tatarskii naieznik: istoricheskaia poviest'
Imprint: Moskva: Tip. T-va I.D. Sytina, 1916
Format: 96 p. 18 cm.
Note: On cover: 1915. Cover illustration in color.
Subject: Chapbooks, Russian

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10.28.94
Camera Operator: CS

ЯПАНЧА
ТАТАРСКІЙ НАѢЗДНИКЪ

Литографія Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1915.

ЯПАНЧА,

ТАТАРСКІЙ НАѢЗДНИКЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ
И. Кассирова.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1916.

ГЛАВА I.

Русскіе воины не одинъ разъ подступали къ стѣнамъ Казани, но всякій разъ принуждены были отступать безъ успѣха. Эти походы приносили громадные убытки Россіи. Почти каждая битва стоила ей большихъ потерь войска и оружія; а кровожадные татары, между тѣмъ, дѣлали набѣги, грабили и жгли села и города и уводили въ плѣнъ множество жителей.

Надлежало унять варваровъ, и Иванъ Васильевичъ началъ готовиться къ походу.

Собралось большое войско. 18 іюня 1552 года Іоаннъ отправился въ путь къ Казани, куда уже доходили вѣсти о походѣ русскаго воинства. 15 августа войско достигло береговъ Волги. Царь казанскій, Едигеръ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ собраться къ себѣ своимъ вельможамъ и другимъ знатнымъ особамъ.

Это собраніе происходило въ великолѣпномъ дворцѣ древнихъ казанскихъ царей, въ обширной комнатѣ, освѣщенной множествомъ свѣчей. Едигеръ, въ богатой царской одеждѣ, сидѣлъ на великолѣпномъ

тронѣ, посреди чиновъ государственныхъ. Подлѣ него, по правую сторону, сидѣлъ Кульшеривъ-Молна; по лѣвую — его любимецъ Заніетъ, а за нимъ слѣдовали: князь Изенешъ Ногайскій, Чапкунъ, Алтыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ, Кебекъ Тюменскій, Дербышъ и еще молодой витязь, въ одеждѣ татарскихъ наѣздниковъ, и многіе другіе. Этотъ молодой воинъ, отличавшійся отъ всѣхъ своимъ привлекательнымъ лицомъ, съ большимъ вниманіемъ слушалъ сужденія прочихъ. Когда очередь дошла до него, то онъ всталъ съ своего мѣста, поклонился всѣмъ и сказалъ съ жаромъ:

— Государь! нѣтъ здѣсь моложе меня; всѣ сказали свое мнѣніе, теперь позволь сказать мнѣ.

— Говори, Бекъ-Япанча, — сказалъ царь, — мы тебя будемъ слушать, какъ вѣрнаго и славнаго защитника.

Япанча началъ говорить:

— Каждому изъ васъ извѣстно, каковъ царь русскій и каково его войско. Если мы и оставались побѣдителями русскихъ, то это не должно относиться къ слабости ихъ духа. Нѣтъ, государь, русскіе храбры, неустрашимы и мужественны. Велико ихъ могущество! Должны ли мы ожидать успѣшнаго окончанія войны? Можемъ ли мы надѣяться на побѣду, когда у насъ истощены силы бѣдственными междоусобными войнами? Повѣрь, государь, какъ бы ни было храбро наше войско, но непріятелю, во много разъ сильнѣйшему, оно долго противиться не можетъ. Итакъ, не лучше ли для насъ смириться предъ

Іоанномъ и ожидать болѣе удобнаго случая для начатія войны, отъ которой мы могли бы ожидать болѣе успѣха?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Война Іоанну! Гибель противникамъ правовѣрной магометанской вѣры! Гибель врагамъ нашимъ, русскимъ! — кричали вельможи, воспаленные противорѣчіемъ князя Япанчи.

Юный воинъ, видя ихъ гнѣвъ, замолчалъ и сѣлъ опять на свое мѣсто. Когда волненіе утихло, Едигеръ сказалъ ему:

— Я не ожидалъ отъ тебя, князь Япанча, такого дерзкаго сужденія. Я надѣялся услышать твои всегдашнія рѣчи, исполненныя любви къ отечеству, думая, что ты одобришь сужденія старшихъ тебя и будешь просить начальства надъ войскомъ; но ты, славный князь Казани, доказавшій во многихъ случаяхъ свою храбрость, неустрашимость и любовь къ отечеству, не устыдился при другихъ именитыхъ сановникахъ нашихъ говорить такъ обидно для всѣхъ насъ!.. Стыдись, князь! Выбрось черныя думы изъ головы своей и послѣдуй за нами для защиты родного города.

Япанча, нѣсколько пристыженный такими словами царя, всталъ и началъ говорить:

— Я объявилъ, государь, не въ обиду свое мнѣніе, но для славы и чести нашей. Если же оно окажется несправедливымъ, то я охотно буду исполнять твои повелѣнія до послѣдняго моего издыханія. Ты знаешь, государь, страшился ли я когда-нибудь? Могутъ ли всѣ окружающія особы сказать хоть одно

слово въ безчестіе моего имени? Неужели я не потомокъ моихъ славныхъ предковъ? Неужели я, поклявшись быть защитникомъ родного города, забуду свои клятвы?

Отъ волненія лицо его покрылось румянцемъ, глаза заблестѣли огнемъ мужества, и въ порывѣ благороднаго чувства онъ упалъ на колѣни и воскликнулъ, потрясая мечомъ:

— Клянусь всѣмъ для меня священнымъ быть, какъ и до сихъ поръ былъ, ужасомъ враговъ нашихъ! Пусть кровь, которая кипитъ во мнѣ, прольется за честь и славу царя нашего! Повелѣвай, государь, — я готовъ исполнить твои приказанія!..

— Я увѣренъ, князь, что ты исполнишь свой долгъ и оправдаешь мое о тебѣ мнѣніе, — сказалъ Едигеръ Япанчѣ.

Потомъ, обращаясь къ прочимъ, продолжалъ:

— Вы, славные защитники царства моего, уже сказали свое мнѣніе, которое дѣлаетъ вамъ честь; теперь остается привести его въ исполненіе. Пусть будетъ война кровопролитна и убійственна; пусть всякій изъ насъ, если то опредѣлено судьбою, погибнетъ подъ развалинами города нашего, великодушно принеся ему въ жертву свою жизнь. Храбрость и неустрашимость не имѣютъ предѣловъ, но творятъ чудеса, слава о которыхъ передается потомству. Защитники вѣры и страны всегда живутъ въ памяти народа и служатъ ему примѣромъ. Итакъ, покляпбыть защитниками!

Тутъ начались клятвы всѣхъ присутствовавшихъ, посыпались страшныя проклятія на головы русскихъ воиновъ; но Япанча стоялъ спокойно, смотря на все происходившее; вдругъ вошелъ царскій мамичь (со-воспитанникъ) и сказалъ:

— Посолъ русскаго царя желаетъ предстать предъ тебя, государь, имѣя важныя порученія.

— Послушаемъ, что пишетъ къ намъ Іоаннъ. Пусть онъ войдетъ, — сказалъ съ насмѣшливой улыбкой Едигеръ.

Татаринъ въ пыльной одеждѣ, со свиткомъ въ рукѣ, вошелъ въ комнату; поклонившись всѣмъ, онъ молча подалъ свитокъ царю. Едигеръ, взглянувъ на подпись, спросилъ его:

— Отъ кого это? Кажется, рука Шигъ-Алея.

— Точно такъ, это онъ писалъ по повелѣнію царя русскаго, — отвѣчалъ посолъ.

Едигеръ, пробѣжавъ письмо, свернулъ его и, отдавая назадъ, сказалъ:

— Благодарю Іоанна и прежняго царя казанскаго Шигъ-Алея за ихъ къ намъ расположеніе; они сожалѣютъ о насъ, почитая насъ слабыми мятежниками, но время покажетъ наши силы.

— Война, война Іоанну!—раздалось въ комнатѣ.

Посолъ взялъ назадъ грамоту и вышелъ.

Князь Япанча хотѣлъ сказать что-то, но удержался, произнеся только: «царь русскій»... Всѣ это замѣтили; нѣкоторые хотѣли было спросить, но Едигеръ сказалъ:

— Займемтесь теперь важнымъ дѣломъ: раздѣленіемъ войска, назначеніемъ воеводъ и распредѣленіемъ мѣстъ каждому изъ нихъ

Съ этими словами все утихло; говорилъ каждый поочереди, и всѣ мѣста были распредѣлены по достоинству. Одни вожди, вмѣстѣ съ царемъ, должны были оставаться въ Казани, ожидать русскихъ и защищать стѣны родного города; другіе должны были тревожить непріятеля съ тыла, но самое трудное дѣло было ввѣрено Япанчѣ. Его назначили начальникомъ луговыхъ наѣздниковъ, которыхъ онъ долженъ былъ собрать, привести подъ Казань и засѣсть съ ними въ Арскомъ лѣсу, чтобы внезапными нападеніями тревожить станъ русскихъ и держать ихъ постоянно въ страхѣ.

Совѣтъ кончился далеко за полночь. Волнуемый самыми печальными предчувствіями, Япанча вышелъ изъ царскихъ палатъ, вскочилъ на коня и вихремъ помчался изъ города по направленію къ лѣсу, прилегающему къ городскимъ стѣнамъ. Тамъ жилъ одинъ пустынникъ, котораго всѣ считали за предсказателя будущаго. Но кто онъ былъ и откуда, — этого никто не зналъ.

Доѣхавъ до его ветхой лачуги и привязавъ коня къ дереву, Япанча вошелъ въ хижину пустынника, но никого не нашелъ въ ней.

Въ ожиданіи его прихода онъ вышелъ на дворъ, сѣлъ на дерновую скамью и сталъ любоваться тѣмъ, какъ рыба играла въ свѣтлыхъ струяхъ рѣки. Скоро показался пустынникъ съ вязанкою валежника въ

рукахъ. Молодой всадникъ подбѣжалъ къ нему, взялъ у него вязанку и принесъ въ хижину. За нимъ слѣдовалъ пустынникъ. Угрюмый видъ его обнаруживалъ тайную горечь, а сѣдые волосы говорили о преклонныхъ лѣтахъ его.

— Что тебя заставило посѣтить мое уединенное жилище? — спросилъ онъ у молодого всадника.

— Желаніе узнать будущее, — отвѣчалъ воинъ, садясь на скамью возлѣ него. — Я слышалъ, что ты можешь узнавать судьбу.

— Нѣтъ, сынъ мой, я не могу видѣть того, что сокрыто отъ насъ Создателемъ.

— Вчера было собраніе у царя Едигера, — говорилъ молодой воинъ. — На этомъ собраніи разсуждали о предстоящей войнѣ, и я былъ выбранъ предводителемъ татарскихъ наѣздниковъ. Что принесетъ мнѣ эта война — горе или радость? Вотъ что я думалъ узнать отъ тебя.

Пустынникъ указалъ на солнце и произнесъ:

— Взгляни на солнце, взгляни! Какъ оно освѣщаетъ темные предметы въ природѣ, какъ все оживотворяется при появленіи этого благодатнаго свѣтила: такъ и царство Казанское просвѣтится и получитъ новое бытіе; ты самъ будешь соучастникомъ новой жизни.

— Я не понимаю словъ твоихъ: они такъ же таинственны, какъ и само будущее.

Въ это время кто-то постучался въ дверь. Пустынникъ отворилъ ее, и въ хижину вошли двѣ жен-

щины. Одна изъ нихъ,—молодая, прелестная собою,—увидѣвъ всадника, воскликнула съ удивленіемъ:

— Князь Япанча!

Япанча быстро подбѣжалъ къ ней, поцѣловалъ ея руку и сказалъ съ радостной улыбкой:

— Сердце мое привлекло меня сюда,—оно знало, что здѣсь будетъ моя милая Наташа.

Пустынникъ смутился, хотѣлъ что-то сказать, но едва успѣлъ выговорить: «Царю небесный...», какъ потокъ слезъ помѣшалъ ему продолжать. Всѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ, наконецъ черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ говорить:

— Эти слезы причинило мнѣ былое горе, которое вспомнилось мнѣ при взглядѣ на васъ. Я самъ нѣкогда былъ счастливъ: имѣлъ жену, дочь и такого же молодца-сына... но все прошло, все пропало!.. Садитесь, любезные, не омрачайтесь моимъ горемъ.

Всѣ сѣли, кромѣ пустынника, внимательно смотрѣвшаго на молодую женщину. Она смутилась, покраснѣла и опустила кроткіе голубые глаза.

— Прости насъ, почтенный человѣкъ! Приходъ нашъ возмутилъ твое спокойствіе, — сказала другая женщина, пожилыхъ лѣтъ. — Мы пришли къ тебѣ отдохнуть. Я—мать этой дѣвушки. Мы рано вышли сегодня на прогулку и чуть не заплутались въ этомъ лѣсу.

ГЛАВА II.

Тутъ началась дружеская бесѣда. Старецъ говорилъ о величіи добродѣтели и невинности, о смутныхъ и тяжелыхъ временахъ, наступившихъ въ царствѣ Казанскомъ, о правдѣ и истинѣ вѣры Христовой; читалъ имъ нѣкоторыя выписки изъ священнаго писанія и, наконецъ, до того довелъ слушающихъ женщинъ, что Мареа, — такъ звали мать Натальи, — проливая благоговѣйныя слезы, сказала торжественно:

— Повѣрь, благословенный Богомъ наставникъ нашъ, если намъ должно будетъ претерпѣть мученія за Христа, то мы примемъ это за благодатный случай получить мученическій вѣнецъ! Молись за насъ Господу, да будетъ Онъ нашимъ помощникомъ.

Япанча, не смѣя быть свидѣтелемъ этой благоговѣйной сцены, хотѣлъ было уйти, но пустынникъ остановилъ его и сказалъ:

— Куда, сынъ мой? Я молю Господа моего, да будешь и ты участникомъ того блаженства, какого ожидаютъ истинные христіане.

— А какъ этого достигнуть? — спросилъ князь.

— Вѣруй во Іисуса Христа, Спасителя рода человѣческаго, и получишь блаженство вѣчной жизни.

— Какъ? Чтобы достигнуть блаженства, надобно принять вашу вѣру, оставить свою, въ которой жили мои предки, и быть врагомъ своего отечества? Нѣтъ, почтенный старецъ, въ какой вѣрѣ я рожденъ, въ такой и умру, — сказалъ съ твердостью Япанча.

Въ это время та женщина, которую Япанча называлъ Наташей, посмотрѣла на него такимъ обворожительнымъ взглядомъ, что онъ смѣшался и покраснѣлъ. Это заставило перемѣнить разговоръ, и пустынникъ сказалъ голосомъ, явно показывающимъ участіе:

— Однакожъ, друзья мои, я совѣтую вамъ итти домой. Солнце уже довольно высоко; кажется, день будетъ жаркій, а вамъ надобно пройти довольно большое разстояніе. Ты, сынъ мой, пойди съ ними, будь ихъ хранителемъ; дорога идетъ все лѣсомъ, а здѣсь водятся и недобрые люди.

Эти слова привели въ страхъ женщинъ, но Япанча успокоилъ ихъ.

Когда женщины, сопровождаемыя Япанчой, вышли изъ хижины, солнце было уже высоко.

Наташа не могла выносить сильнаго жара; лицо ея горѣло, усталость и разслабляющая истома разливались по тѣлу; не пройдя половины пути, она окончательно остановилась.

— Матушка, ноги дрожатъ, я вся ослабла. Сядемъ, отдохнемъ, — сказала она и почти упала на траву.

Мароа и Япанча сѣли подлѣ нея.

Вдругъ конь Япанчи, котораго онъ не забылъ взять съ собою, гулявшій въ это время по травѣ, поднялъ голову и вытянулся. Гдѣ-то недалеко раздался свистъ, и вскорѣ изъ кустовъ вышелъ татаринъ высокаго роста, одѣтый въ черный балахонъ, въ остроконечной шапкѣ, съ длиннымъ дротикомъ въ рукѣ.

Путешественники вздрогнули; женщины начали читать молитву, а Япанча подошелъ къ татарину.

— Что тебѣ надобно? — спросилъ онъ.

— Я не зналъ, что мнѣ нужно, за нѣсколько времени назадъ, а теперь давай биться: я хочу завладѣть этой красавицей.

Съ этими словами они оба вынули мечи. Наташа и мать ея съ ужасомъ смотрѣли на ихъ битву, которая продолжалась долго, съ равнымъ ожесточеніемъ и искусствомъ.

Наташа въ отчаяніи слѣдила за каждымъ движеніемъ сражающихся и вдругъ воскликнула со слезами: «Великій Боже! помоги одолѣть врага!» Въ это самое время Япанча вонзилъ мечь въ широкую грудь разбойника; тотъ зашатался и съ громкимъ крикомъ упалъ на землю. Побѣдитель хотѣлъ было итти къ женщинамъ, какъ вдругъ толпа вооруженныхъ людей высыпала изъ лѣса съ дикимъ крикомъ.

— Что вамъ надобно? — воскликнулъ Япанча.

— Твоей смерти! Ты убилъ нашего атамана: кровь требуетъ мести! — кричали разбойники и напирали на него со всѣхъ сторонъ.

Подобно мощному, разъяренному льву, бросился Япанча на злодѣевъ; мечь его сверкалъ, какъ змѣистая молнія. Неравный бой продолжался долго: наконецъ храбрый и отважный юноша началъ уставать; мечь его казался потяжелѣвшимъ, и онъ уже полагалъ навсегда проститься съ своей Наташей, какъ вдругъ вопль несчастныхъ женщинъ, увлекаемыхъ звѣрскими злодѣями, коснулся его слуха и воспламенилъ угасавшее мужество. Опять началась битва съ новымъ усиліемъ, съ новымъ самоотверженіемъ. Япанча твердо рѣшился погибнуть или умертвить всѣхъ и возвратить свою возлюбленную.

Въ это время вдали по дорогѣ поднялась густая пыль, и чрезъ нѣсколько минутъ показалась толпа вооруженныхъ всадниковъ. Разбойники, увидѣвъ ихъ, кинулись съ крикомъ въ лѣсъ; ѣхавшіе, замѣтивъ это, скоро прискакали къ Япанчѣ, котораго узналъ одинъ изъ всадниковъ.

— На тебя напали разбойники, князь?—спросилъ онъ.

— Да, любезный Эдимъ! Вдобавокъ еще утащили въ неволю двухъ женщинъ, которыя шли со мною. Помоги бѣдѣ моей; поѣдемъ со мною отыскивать ихъ!

— Съ охотою бы, только мнѣ нельзя отлучиться, вѣдь я теперь въ свитѣ государя,—отвѣчалъ Эдимъ.

— Знаю, знаю. Такъ я пойду просить его, чтобы онъ отпустилъ тебя со мною; вѣрно, онъ не откажетъ!

Въ это время, въ сопровожденіи великолѣпной свиты, приближался къ нимъ царь казанскій. Япанча

подошедъ къ нему и разсказалъ случившееся. Получивъ желаемое позволеніе, Эдимъ и болѣе десяти оруженосцевъ, тѣлохранителей царскихъ, поѣхали за нимъ.

Долго скакали они по лѣсу, отыскивая слѣды злодѣевъ, и, углубляясь все далѣе и далѣе, заѣхали въ такую чащу, что на каждомъ шагу древесные сучья и частые кустарники удерживали бѣгъ коней ихъ. Блуждая такимъ образомъ, наши герои потеряли надежду не только отыскать несчастныхъ женщинъ, но и самимъ выбраться на настоящую дорогу.

Прошло болѣе часа, какъ кони ихъ, покрытые пылью и кровью, струившейся изъ царапинъ, произведенныхъ сучьями, приходили въ изнеможеніе; дрожь, близкій признакъ совершенной слабости, появилась у нѣкоторыхъ изъ нихъ, и Япанча, отчаявшійся увидѣть когда-либо Наташу, съ тяжелой грустью сказалъ Эдиму:

— Что намъ дѣлать пріятель,? Ты опытнѣе меня, я всегда слушалъ твоего совѣта.

— Я думаю, — отвѣчалъ тотъ, — расположиться подъ этимъ дубомъ, дать вздохнуть конямъ, развести огонь, нѣкоторымъ изъ товарищей взлѣзть на деревья и скликать разбойниковъ; такимъ образомъ они, разсыпавшись по лѣсу, подумаютъ, что сзываютъ ихъ товарищи, и, навѣрно, придутъ сюда; тогда мы расправимся съ ними. Вотъ мое мнѣніе; оно, кажется, недурно, князь?

— Дай Богъ, чтобы случилось по-твоему.

Съ этимъ словомъ онъ соскочилъ съ коня, за нимъ спѣшились остальные всадники; развели большой огонь, нѣкоторые воины, по распоряженію Эдима, залѣзли на деревья, а другіе разсыпались по лѣсу и начали кричать.

— Пошли, Аллахъ, чтобы намъ достигнуть своей цѣли: спасти невинность изъ когтей развращенныхъ злодѣевъ! Ты также желаешь этого, любезный Эдимъ?

— Отъ всего моего сердца, князь, — отвѣчалъ онъ. — Да почему ты такъ безпокоишься: онѣ, я думаю, не болѣе какъ невольницы?

— О, Эдимъ, эти женщины не невольницы: онѣ въ невольницахъ не могутъ быть даже у царя! Это два божественныя существа. Старушка должна быть уважаема за ея доброту и за то, что имѣетъ добродѣтельнѣйшую и прелестную дочь, превышающую всѣхъ гурій, которыхъ намъ описываетъ Магометъ, и которая будетъ моей женой. Я вѣдь говорю съ тобою откровенно: я почитаю въ тебѣ стараго друга и добраго наставника.

— Однакожъ ты ничего не сказалъ о ихъ происхожденіи, — сказалъ Эдимъ.

— Онѣ обѣ—христіанки. Старушка—жена одного знаменитаго московскаго боярина, Орши, а прелестная дѣвушка — дочь ея, — отвѣтилъ Епанча.

— Что я слышу? Ты любишь христіанку и дочь одного изъ непріятелей нашихъ!.. Орши всегда отличались въ войнахъ съ нами, какъ ярые истребители полчищъ нашихъ. Нѣтъ, князь, позволь мнѣ сомнѣваться въ томъ: это дѣлаетъ тебѣ крайнее безчестіе.

Подумай самъ, что будутъ говорить о тебѣ, когда ты женишься на ней, не обративъ ея въ вѣру отцовъ нашихъ! Князь Япанча, славный защитникъ царства нашего, женился на иновѣркѣ, на презрѣнной невольницѣ, а что всего ужаснѣй — на русской! О, князь! какъ тягостно будетъ тебѣ переносить проклятія, кои посыплются на твою голову! Да обратитъ сердце твое великій Магометъ къ камень, чтобы не могли смутить тебя прелести этой дѣвушки, да не будешь проклятъ отъ современниковъ своихъ! Послушайся, князь, моихъ совѣтовъ: забудь о ней и полюби, какую хочешь изъ нашихъ красавицъ: всякая почтетъ за честь быть твоей женой!

— Я уважаю тебя, Эдимъ, и потому не хочу вызывать на смертный поединокъ; но если бы кто другой былъ на твоемъ мѣстѣ, тогда бы было иное!— сказалъ съ гнѣвомъ Япанча, покручивая въ волненіи усы.

Эдимъ смутился, услышавъ такія грозныя рѣчи молодого наѣздника, котораго всѣ почитали первѣйшимъ въ искусствѣ сражаться.

Не смѣя болѣе продолжать разговоръ о столь непріятномъ для Япанчи предметѣ, онъ послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ:

— Итакъ, князь, ты намѣренъ жениться на ней, вѣроятно, послѣ начавшейся войны, т.-е. отдавши долгъ своему отечеству.

— Не ближе. Во время войны надобно биться съ непріятелями, а не думать о женитьбѣ,— сказалъ Япанча, приходя въ себя.

Эдимъ, видя, что князь совершенно успокоился, опять напомнилъ ему о будущей женитьбѣ, несообразной ни съ законами отечества ни съ мнѣніемъ народа.

— Не гнѣвайся, другъ мой, — началъ говорить Эдимъ съ участіемъ: — если тебѣ назначено быть супругомъ твоей красавицы, то никто не можетъ разлучить тебя съ нею. Будь увѣренъ, что великій Магометъ сохранитъ ее въ рукахъ извергов. Положись на его милосердіе, скрѣпи свое сердце до времени и разскажи мнѣ исторію твоей любви.

— Другъ мой Эдимъ, какъ я буду разсказывать тебѣ исторію моей несчастной любви, когда предметъ ея гибнетъ невозвратно! Мнѣ представляются всѣ ея страданія, слезы, стоны и отчаяніе... и даже ужасная смерть! Боже мой, спаси невинность, сохрани дни ея, назначенные для добродѣтели! Да будутъ русскіе плѣнные имѣть ее, какъ и прежде, своею отрадою!

— Утѣшься, добрый Япанча! Богъ настолько милосердъ, что не допуститъ восторжествовать злу. Вѣрь мнѣ, она будетъ спасена.

Утѣшая такимъ образомъ Япанчу, Эдимъ настоятельно просилъ его разсказать, какъ онъ полюбилъ свою невѣсту, гдѣ и когда. Япанча долго не соглашался, но, наконецъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ разсказалъ слѣдующее:

«Я еще съ семнадцати лѣтъ былъ уже извѣстенъ и соотечественникамъ и врагамъ нашимъ. Ты знаешь, съ какимъ успѣхомъ рѣшалъ я кровопролит-

нія сѣчи наши съ русскими, что стоила имъ каждая схватка съ нами. Ты знаешь также, что почти у каждаго нашего вельможи и у каждой изъ женъ ихъ находятся рабами благородные сыны и дочери бояръ московскихъ.

«Однажды, года полтора тому назадъ, послѣ сраженія, когда русскіе были разбиты и со стыдомъ оставили осаду Казани, я возвращался въ городъ со своей дружиной. Уже былъ вечеръ; мѣсяцъ освѣщалъ мѣсто битвы. Дружина уѣхала впередъ, а я поотсталъ; вдругъ вижу умирающаго воина и молодую дѣвушку, перевязывающую его раны. Это меня удивило; я подъѣхалъ ближе; въ это время дѣвушка обернулась къ мѣсяцу, и я былъ пораженъ ея красотою и кроткимъ выраженіемъ лица. Она безъ робости посмотрѣла на меня и продолжала помогать раненому. Я вглядѣлся въ умирающаго и узналъ его: это былъ одинъ изъ знатныхъ русскихъ бояръ, бывшій нѣкогда у насъ въ плѣну, который также, открывъ глаза, узналъ меня и проговорилъ слабымъ голосомъ дѣвушкѣ: «Напрасно ты стараешься вернуть меня къ жизни; я довольно жилъ и испыталъ всѣ превратности счастья, но никогда не дерзалъ роптать на Бога и умираю съ спокойной душой». Онъ на минуту умолкъ, затѣмъ продолжалъ, обращаясь къ дѣвушкѣ: «Дитя мое! я умираю и поручаю тебя этому воину, котораго я знаю, какъ истиннаго защитника отечества; будь увѣрена въ его добродѣтели, положись на его скромность и не страшись, какъ непріятеля: знать, сама судьба

послала его сюда. А ты, благородный князь, — сказалъ онъ мнѣ, — оправдай мои слова: когда меня не будетъ здѣсь, то будь ея защитникомъ и хранителемъ». При этихъ словахъ я поклонился говорившему и взглянулъ на дѣвушку. Кроткіе глаза незнакомки были наполнены слезами и умильно смотрѣли на меня. Вдругъ умирающій взглянулъ на небо и прошепталъ: «Пріими, Господи, душу мою съ миромъ, даруй мнѣ отпущеніе грѣховъ и услышь послѣднюю молитву къ Тебѣ: пошли миръ и долгоденствіе народу русскому». Воинъ перекрестился и закрылъ глаза свои навѣки. Дѣвушка упала съ плачемъ на грудь умершаго и долго цѣловала прахъ его. Я, насколько могъ, утѣшалъ ее. Послѣ прощанія съ умершимъ, она сказала мнѣ со скромностью: «Праведникъ видитъ будущее: онъ зналъ, кому поручилъ меня, умирая, и потому я совершенно отдаюсь подъ твою защиту. Поклянись надъ прахомъ умершаго — быть моимъ и моей матери защитникомъ!» Я поклялся исполнять волю умершаго. Послѣ этого она поклонилась праху его и со слезами на глазахъ пошла со мною къ городу. Я одной рукой велъ трепещущую дѣвушку, а другой — моего коня. Дорогою она мнѣ разсказала о своихъ несчастіяхъ, о томъ, какъ онѣ съ матерью оставили отечество для отысканія отца своего, сколько претерпѣли онѣ нужды и бѣдствій въ дорогѣ и, наконецъ, не отыскавъ отца, попали въ плѣнъ къ нашему вельможѣ Заніету, гдѣ имъ тоже жилось не сладко. Съ той поры она слѣдовала за нашими дру-

жинами и послѣ каждой битвы посѣщала поле сраженія, гдѣ облегчала страданія раненыхъ. Такъ было и на этотъ разъ. Умершій русскій воинъ былъ ея родственникъ. Я выкупилъ изъ рабства эту дѣвушку и ея мать и далъ имъ полную свободу. Вскорѣ мы полюбили другъ друга, и я теперь надѣюсь быть ея мужемъ».

Вдругъ одинъ изъ засѣвшихъ на деревѣ воиновъ спрыгнулъ и сказалъ:

— Показались разбойники, князь!

— Какъ можно тише сидите на деревьяхъ, — сказалъ Эдимъ и вмѣстѣ съ Япанчою приготовился къ нападенію.

Князь приказалъ непремѣнно захватить въ плѣнъ разбойниковъ,—двоихъ или троихъ, а прочихъ рубить безъ пощады. Скоро человѣкъ пять злодѣевъ приблизились къ огню и вдругъ были окружены воинами Эдима. Они сначала изумились, но потомъ съ отчаяніемъ начали рубиться. Трое были убиты, а остальныхъ обезоружили. Япанча сталъ ихъ допрашивать:

— Гдѣ тѣ двѣ женщины, которыхъ вы увлекли съ собою?

— Обезчещены и убиты,—отвѣчалъ разбойникъ.

— Не лги, извергъ!

— Я сказалъ правду: обезчещены и убиты. За молодую мы долго дрались; наконецъ она досталась храбрѣйшему, то-есть—мнѣ.

— Молчи, злодѣй! — въ великомъ гнѣвѣ закричалъ князь и раздробилъ ему черепъ.

Но вдругъ раздался въ лѣсу недалеко выстрѣлъ. Янанча зашатался и упалъ на землю; пуля пробила ему плечо.

Эдимъ немедленно велѣлъ нѣсколькимъ воинамъ остаться съ княземъ, который обезсилѣлъ отъ потери крови, а самъ съ прочими отправился къ тому мѣсту, гдѣ было пристанище разбойниковъ. Оставшійся злодѣй былъ проводникомъ.

Долго шли они, все углубляясь въ чащу лѣса.

Проводникъ самъ твердо не зналъ дороги и потому останавливался и разсматривалъ деревья и кусты, на которыхъ были замѣтки. Нетерпѣливый Эдимъ раза два обѣщалъ срубить ему голову, если онъ вздумаетъ завести ихъ въ непроходимое мѣсто. Наконецъ увидѣли они двухъ разбойниковъ, сидѣвшихъ съ женщинами.

— Мы пропали!—закричалъ имъ разбойникъ, указывавшій дорогу Эдиму и его товарищамъ.

Тѣ испугались и бросились бѣжать; проводникъ послѣдовалъ за ними.

Эдимъ подошелъ къ женщинамъ и нашелъ ихъ въ сильномъ обморокѣ. При помощи своихъ товарищей онъ началъ приводить ихъ въ чувство, но не было воды, чтобы освѣжить ихъ лица.

Наконецъ одна изъ женщинъ открыла глаза и остановила тусклый взглядъ на Эдимѣ, который стоялъ въ смущеніи, смотря на лицо прелестной Наташи. Между тѣмъ и мать ея пришла въ себя. Эдимъ, не теряя времени, велѣлъ своимъ товарищамъ нести мать Натальи, а самъ понесъ ее.

Дорогою Эдимъ отставалъ отъ своихъ товарищей и невольно прижималъ прелестную ношу къ груди своей.

Неужели Эдимъ, посѣдѣвшій въ битвахъ и давно остывшій къ порывамъ любви, могъ плѣниться неяснымъ взоромъ дѣвушки?.. Неужели, Эдимъ, въ тебѣ зажглась преступная любовь? Если такъ, то бойся, Япанча, своего соперника, бойся старика-любовника, неопытный юноша! Сильна страсть въ сердцѣ старомъ, сильна и ревность его! Бойся! Любовь можетъ обратиться въ мщеніе.

Между тѣмъ они дошли до того мѣста, гдѣ остался Япанча.

— Жива ли моя милая Наташа? — вскричалъ князь и бросился цѣловать дѣвушку.

Голосъ, извѣстный сердцу, скоро проникъ въ душу и возвратилъ чувство дѣвушкѣ. Она съ нѣжностью смотрѣла на князя, и слезы радости струились по лицу ея.

— Какими судьбами ты осталась жива? — спросилъ князь, цѣлуя ея руку.

— Богъ, защитникъ невинности, спасъ меня! — сказала она, взирая съ благоговѣніемъ на небо.

Когда всѣ немного отдохнули, то отправились домой. Дорогою Япанча разсказывалъ невѣстѣ, кому она обязана спасеніемъ, и Наташа съ чувствомъ благодарила Эдима, шедшаго задумчиво и изрѣдка взглядывавшаго на нее съ смущеніемъ.

ГЛАВА III.

Была ночь, когда Япанча, проводивъ домой женщинъ, приближался къ городскимъ воротамъ. На лицѣ его сіяла радость, забавные разговоры доказывали спокойствіе его души. Товарищи, сопровождавшіе его, также были веселы, кромѣ Эдима, который былъ задумчивъ попрежнему, и лишь изрѣдка и принужденно улыбался, когда обращался къ нему веселый князь.

— Да что ты глядишь какъ разслабленный? Смотрите, товарищи, какіе мутные глаза у него! Эй, Эдимъ, проснись, еще успѣешь выспаться-то! — говорилъ улыбаясь Япанча, толкая слегка своего пріятеля.

— Кто тебѣ сказалъ, что я хочу спать? — спросилъ онъ.

— Да что жъ ты смотришь такимъ филиномъ? Будь повеселѣе, порадуйся вмѣстѣ со мною.

Но Эдимъ не внималъ рѣчамъ князя, ѣхалъ съ поникшей головой и, казалось, что-то обдумывалъ.

Когда они приблизились къ воротамъ, именуемымъ Арскими, Япанча, простившись съ Эдимомъ и прочими наѣздниками, поскакалъ по улицѣ, свернулъ въ переулокъ и остановился возлѣ небольшого

дома. Спрыгнувъ съ коня, онъ подошелъ къ калиткѣ, постучался въ нее, и черезъ нѣсколько минутъ раздался голосъ:

— Кто тамъ?

— Отпирай, Чалма,—сказалъ князь, и калитка отворилась.

Старикъ съ сѣдой бородой, въ остроконечной шапкѣ и въ желтомъ балахонѣ, встрѣтилъ Япанчу.

— Ну, князь, ждалъ, ждалъ я тебя, насилу Богъ принесъ! Гдѣ это ты изволилъ быть?

Смѣлый и даже нѣсколько повелительный голосъ старика показывалъ близкое расположенiе къ нему князя. Въ самомъ дѣлѣ, Япанча былъ отданъ ему на руки съ малолѣтства и очень любилъ его за рѣдкую преданность и отеческое попеченiе о себѣ.

— Прикажи, Чалма, подать мнѣ поѣсть, я со вчерашняго дня ничего не ѣлъ; да скажи, чтобъ перемѣнили лошадь. Я, какъ только отдохну, тотчасъ отправлюсь во дворецъ...

— А я было и забылъ сказать,—прервалъ старикъ, ударивъ руками о полы балахона,—вѣдь царь присылалъ за тобою!

— Такъ спѣши же распорядиться, Чалма; тѣмъ скорѣе я буду готовъ, тѣмъ лучше.

Старикъ вышелъ изъ комнаты, а Япанча началъ ходить изъ угла въ уголъ. Черезъ нѣсколько минутъ его позвали въ другую комнату, гдѣ на богатомъ коврѣ стояло кушанье. Утоливъ голодъ, князь спросилъ у невольника, прислуживавшаго ему:

— Осѣдлали лошадь?

— Готова,—отвѣчалъ старикъ, вошедшій въ это время къ комнату.

— Ну, такъ прощайте! На зарѣ ожидайте меня.

— Съ Богомъ!—отвѣчалъ старикъ, когда князь сѣлъ на арабскаго жеребца и помчался по двору царскому.

Пріѣхавши туда, онъ соскочилъ съ коня и, поручивъ его невольнику, побѣжалъ по лѣстницѣ вверхъ. Черезъ какую комнату онъ ни проходилъ, вездѣ видѣлъ только спящихъ служителей; даже въ пріемной залѣ четыре сторожа дремали, опершись на бердыши. Япанча такъ осторожно прошелъ мимо нихъ, что никто не слыхалъ. Подошедши къ двери той комнаты, гдѣ былъ виденъ свѣтъ и раздавались голоса, онъ хотѣлъ было растворить ее, но невольно остановился и, приложивъ ухо къ двери, услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Государь, позволь мнѣ, ничтожному твоему рабу, говорить предъ твоимъ свѣтлымъ лицомъ.

— Говори, Эдимъ,— отвѣчалъ царь Едигеръ.

Япанча почувствовалъ біеніе сердца, любопытство его усилилось; но каково было его удивленіе, когда онъ услышалъ слѣдующее:

— Такъ какъ дѣло идетъ о войнѣ, то я скажу рѣшительно, что она будетъ безуспѣшна: храбрѣйшій и надежнѣйшій князь Япанча, глава татарскихъ наѣздниковъ, предалъ русскому царю.

— Что ты говоришь, Эдимъ? Не клевета ли это?— спросилъ царь.

— Если позволишь продолжать, то я все разскажу тебѣ, государь.

— Говори, говори!—раздалось въ комнатѣ, а затѣмъ послѣдовалъ разсказъ Эдима.

— Когда я, государь, съ лучшими тѣлохранителями твоими отправился съ княземъ искать разбойниковъ, напавшихъ на него, то, блуждая по лѣсу, мы заѣхали въ такую чащу, что никакъ нельзя было далѣе ѣхать, да и лошади наши выбились изъ силъ. Я присовѣтовалъ князю отдохнуть; онъ согласился. Сидя съ нимъ подъ деревомъ, я замѣтилъ на лицѣ его глубокую скорбь и просилъ князя объяснить причину оной; онъ долго не соглашался; наконецъ я усилилъ свои просьбы, и онъ сказалъ мнѣ: «Моя грусть о томъ, что разбойники похитили мою невѣсту и мать ея». Я спросилъ, какую невѣсту,— и онъ съ замѣшательствомъ продолжалъ: «Христіанку, дочь Орши, боярина московскаго». Какъ только онъ это сказалъ, такъ я и обмеръ и принялся со всѣмъ стараніемъ говорить ему о послѣдствіяхъ такого союза. Но ничего не помогло: онъ непремѣнно хочетъ жениться и даже, какъ казалось по его рѣчамъ, намѣренъ принять законъ христіанскій. Вотъ почему мнѣ думается, что война будетъ безъ успѣха. Зная, насколько важно это извѣстіе, я поспѣшилъ увѣдомить тебя.

— Точно, государь, я подтверждаю слова Эдима тѣмъ, что Япанча выкупилъ у меня тѣхъ женщинъ-христіанокъ, и одна изъ нихъ необыкновенно привлекательна наружностью, — говорилъ кто - то

дрожащимъ и прерывающимся отъ кашля голосомъ.

— Завтра поутру я вызову къ себѣ князя и переговорю съ нимъ. Между тѣмъ прошу васъ дать мнѣ совѣтъ, что мнѣ должно дѣлать въ томъ случаѣ, если все это правда? — спросилъ Едигеръ.

— Если, государь, позволишь мнѣ высказать свое мнѣніе, то я почту себя счастливымъ подданнымъ твоимъ, — сказалъ тотъ же старческій дрожащій голосъ.

— Неужели ты, Заніетъ, сомнѣваешься въ моей дружбѣ, въ моемъ добромъ расположеніи къ тебѣ? Говори, я всегда твои совѣты уважаю!

— Если Эдимъ сказалъ правду, то намъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ уговаривать князя не нарушать нашего закона, презрѣть невольницъ и даже требовать ихъ смерти. Неужели онъ не послушается совѣтовъ старшихъ и будетъ продолжать любовь къ россіянкѣ, подлой и ничтожной невольницѣ? Между тѣмъ ты, государь, предоставишь ему торжественно выборъ любой красавицы изъ всѣхъ нашихъ дочерей. Я думаю, что честь эта вознесетъ князя на такую степень благополучія и тщеславія, какою только можетъ пользоваться смертный, подвластный царю.

Тутъ послѣдовало всеобщее молчаніе. Спустя нѣсколько минутъ, кто-то сказалъ подобострастнымъ голосомъ:

— Славнѣйшій вельможа Заніетъ изволилъ упомянуть о смерти этихъ женщинъ, но трудно будетъ

исполнить это: чародѣйство и волшебство, въ которыхъ онѣ большія искусницы, могутъ противодѣйствовать насильственной смерти, если ты, государь, не повелишь отыскать такого волшебника, который могъ бы уничтожить силу силою.

— Но гдѣ же его найти? Я не надѣюсь, чтобъ кто-нибудь могъ знать такого волшебника...

— Я, государь, могу исполнить твое желаніе. Завтра же поѣду отыскивать его,—сказалъ опять подобострастный голосъ Эдима.

Тутъ Япанча едва могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ гнѣва на подлаго лжеца, котораго онъ прежде считалъ своимъ пріятелемъ, которому былъ обязанъ умными наставленіями во время своей молодости и который, наконецъ, обязанъ ему вѣчной благодарностью за спасеніе жизни въ одной несчастной для казанцевъ битвѣ съ русскими.

Онъ хотѣлъ было слушать далѣе, но гнѣвъ взволновалъ всѣ чувства пылкой души его и привелъ его въ такое возбужденіе, что онъ всѣмъ тѣломъ зашатался и упалъ на полъ. Долго былъ онъ внѣ себя отъ различныхъ чувствъ и думъ, нахлынувшихъ на него; наконецъ онъ очнулся и осторожно вышелъ изъ комнаты. Быстро сбѣжалъ Япанча съ крутой лѣстницы на крыльцо, вскочилъ на коня и вихремъ помчался по улицѣ.

Скоро борзый конь домчалъ его до жилища, у воротъ котораго стоялъ молодой невольникъ, дожидаясь возвращенія своего господина.

Князь, отдавъ ему лошадь, пошелъ въ комнаты, гдѣ встрѣтилъ его старикъ Чалма съ радостнымъ лицомъ; но, видя на лицѣ воспитанника своего печаль, онъ самъ перемѣнился и спросилъ съ заботливостью, тихимъ голосомъ:

— Что, князь, причиною твоего безпокойства? Благополучно ли ты съѣздилъ?

— Благополучно и нѣтъ, — отвѣчалъ онъ.

— Какъ же такъ? Выведи меня изъ сомнѣнія, разскажи мнѣ все случившееся съ тобою, а не то я не усну спокойно, — сказалъ старикъ.

— Я узналъ друга Эдима такъ коротко и ясно, что смѣло могу сказать: такихъ друзей мало на свѣтѣ! Еще узналъ, что за меня завтра будутъ сватать всѣ вельможи лучшихъ дочерей своихъ; узналъ, что Наташу и мать ея, Марѳу, завтра же потребуютъ къ царю, чтобы предать ихъ позорной смерти. Вотъ, Чалма, сколько привезъ я тебѣ новостей.

— Какъ, князь! неужели ты допустишь Наташу и мать ея до позорной смерти? Послушай, вѣдь она была вѣрная твоя подруга. Вотъ уже года два, какъ ты обѣщался быть ея мужемъ, а теперь хочешь забыть ее и даже предать на смерть.

— Кто тебѣ сказалъ это? Какой злой духъ вселилъ въ твою душу недовѣрчивость ко мнѣ? Я поклялся до гроба быть ея защитникомъ и умру съ ней вмѣстѣ, если не успѣю спасти ее... Ахъ, Чалма, неужели есть смертный, который, плѣнясь такою дѣвушкою, можетъ забыть ее? Я клянусь прахомъ моихъ родителей, что вѣчно не разстанусь съ моей

возлюбленной Наташей. Если осудятъ ее на смерть, то я буду утѣшать ее и умру вмѣстѣ съ нею; если злое чародѣйство повергнетъ ее въ какую-нибудь мучительную болѣзнь, то и я растравлю тѣло свое и буду мучиться съ нею, а если и меня строгіе и несправедливые судьи приговорятъ погибнуть съ нею, то я сброшу съ себя одежду защитника отечества, забуду о немъ, забуду вѣру отцовъ моихъ и приму вѣру Христову, чтобъ соединиться съ Наташей въ этой и будущей жизни,—вотъ слова мои, они сказаны княземъ Япанчою и сбудутся несомнѣнно.

Послѣ этого послѣдовало молчаніе. Старикъ не смѣлъ прервать размышленій князя, ходившаго по комнатѣ.

— Ступай, ложись спать,— сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ, и старикъ вышелъ въ молчаніи.

ГЛАВА IV.

Япанча въ эту ночь не спалъ. Онъ медленно ходилъ по комнатѣ въ глубокомъ раздумьѣ. Никогда онъ не чувствовалъ такой мучительной тоски, какъ въ эту ночь; никогда тяжелыя думы не занимали съ такою силою его пылкой головы.

Скоро мракъ началъ рѣдѣть; на востокѣ загорѣлась утренняя заря, затѣмъ солнце величественно показалось изъ-за горизонта, и теплые лучи его пробудили сонъ природы.

— Ужъ день,—сказалъ съ удивленіемъ князь,— а въ сердцѣ Япанчи еще глубокая ночь! Предчувствуетъ ли теперь Наташа, встрѣчая восходъ солнца, что, можетъ-быть, въ этотъ день настанетъ конецъ ея и моей жизни? Великій Аллахъ! прости грѣхи моей юности, я съ терпѣніемъ покоряюсь твоей святой волѣ. Жизнь моя принадлежитъ тебѣ, ты долженъ взять ее; я жилъ для счастія ближнихъ и умираю отъ злобы людей, о которыхъ печешься, какъ о дѣтяхъ своихъ.

Тутъ пришелъ къ нему Чалма и удивился, что онъ еще не ложился спать.

— Некогда спать, надобно ожидать смерти! — сказалъ Япанча и началъ разговоръ со старикомъ о своихъ родителяхъ и о своей молодости.

Чѣмъ болѣе пылкій князь предавался воспоминаніямъ, тѣмъ грустнѣе становилось на душѣ его. Но вотъ раздался топотъ коней подъ окнами дома.

Старикъ и князь подскочили къ окну, чтобъ узнать, кто пріѣхалъ такъ рано. Дверь отворилась, и Эдимъ вошелъ въ комнату. Князь вспыхнулъ отъ гнѣвомъ, хотѣлъ сказать что-то грозное, но остановился: разсудокъ взялъ верхъ надъ пылкостью юноши, и онъ, смягчивъ голосъ, спросилъ съ принужденной улыбкой.

— Какія вѣсти привезъ ты мнѣ, любезный пріятель?

— Тебя спрашивалъ еще вчера царь, но нигдѣ тебя не нашли, хотя весь городъ обѣгали; я пріѣхалъ тебѣ сказать объ этомъ.

— Спасибо, Эдимъ! — сказалъ князь. — Садись, отдохни, вмѣстѣ поѣдемъ во дворецъ.

— Нѣтъ, князь, мнѣ должно исполнить одно порученіе царское, — отвѣчалъ съ замѣтнымъ смущеніемъ Эдимъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты, какъ бы страшась вопроса Япанчи.

Князь съ презрѣніемъ посмотрѣлъ вслѣдъ Эдиму: съ этого времени онъ почиталъ его орудіемъ діавола.

— Скажи, Чалма, чтобъ осѣдлали лошадь,— сказалъ князь.

Старикъ разбудилъ невольниковъ и отдалъ приказаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ невольникъ пришелъ доложить, что лошадь готова. Ретивый конь, едва сдерживаемый двумя сильными невольниками, красовался у крыльца. Япанча вышелъ на крыльцо, подошелъ къ коню, погладилъ его по шеѣ и какъ птица взлетѣлъ на сѣдло. Невольники отступили, сѣдокъ тронулъ удилами, конь встряхнулъ гривой, взмахнулъ хвостомъ, взвился и пошелъ красивой, игривой поступью по улицѣ. Япанча сидѣлъ молодцомъ; тяжелыя латы, остроконечная шапка придавали ему мужественный видъ, а солнечные лучи, играя на его одеждѣ, вооруженіи и конской сбруѣ, дополняли красивую картину.

Вдали мчался Эдимъ съ дружиною. Япанча глядѣлъ на него и, вѣроятно, съ ужасомъ вспоминалъ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, что обѣщалъ онъ царю и что совѣтовалъ сдѣлать ему противъ беззащитныхъ женщинъ. Наконецъ Япанча приблизился ко дворцу; отдавши коня сторожу, князь вошелъ въ покои, но въ пріемной комнатѣ его остановили, сказавши, что царь еще не вставалъ. Въ ожиданіи пробужденія царя, Япанча подошелъ къ окну, растворилъ его и очень удивился, увидѣвъ съ этой стороны свой загородный домъ, гдѣ жила его Наташа съ матерью. Долго онъ напрягалъ зрѣніе, желая размотрѣть, не выйдетъ ли кто изъ дому, но никто не показывался. Вдругъ облако пыли закрыло отъ глазъ его домъ, и черезъ нѣсколько времени, когда пыль улеглась, толпа всадниковъ окружила загородное жилище князя.

Тутъ сердце его затрепетало; съ ужасомъ слѣдилъ онъ за всѣми движеніями всадниковъ, летѣлъ мысленно на помощь къ прекрасному существу и терзался, что не можетъ этого сдѣлать на самомъ дѣлѣ.

Въ это время въ комнату вошелъ царскій слуга и позвалъ князя къ Едигеру.

— Здравствуй, князь,—сказалъ царь, и Япанча низко поклонился ему.— Я тебя призвалъ для исполненія важнаго дѣла. Исполнишь ли ты его?

— Если это въ моей волѣ,— отвѣчалъ почтительно князь,— то я готовъ, повелѣвай.

— О, это отъ тебя именно и зависитъ. Никто, кромѣ тебя, и не можетъ исполнить его.

— Если такъ, государь, то я съ радостью готовъ, хотя бы мнѣ стоило это жизни.

— Тутъ жизнь въ сторонѣ, дѣло идетъ не о войнѣ, но о торжественномъ и важномъ для тебя случаѣ.

При этихъ словахъ Япанча поблѣднѣлъ; онъ понялъ, о чемъ идетъ дѣло, и потому ничего не отвѣчалъ царю, который продолжалъ со строгимъ видомъ.

— Подойди ближе, князь!

Япанча подошелъ. Едигеръ, взявши его за руку, воскликнулъ:

— Тебѣ, какъ славному и непобѣдимому защитнику отечества, предлагаютъ всѣ знаменитые вельможи моего царства красивѣйшихъ дочерей своихъ: да выберешь изъ нихъ себѣ жену! Ожидалъ ли ты,

князь, такой чести? Скажи, что можетъ сравниться съ такой почестью, какую оказываютъ тебѣ? Но ты смущаешься, блѣднѣешь. Неужели ты отвергаешь такую честь?

— Я, государь, во всю мою жизнь не забуду такой почести, но принять ее не могу.

— Какъ? Ты отвергаешь? Почему? — воскликнулъ Едигеръ съ гнѣвомъ.

— Я люблю одну бѣдную христіанку, дочь боярина московскаго, и клялся любить ее вѣчно. Вотъ причина моего отказа! Я не думаю, чтобы правосудный царь Казани могъ разрушить мое счастіе.

— Счастливъ ты, князь, что я расположенъ къ тебѣ!.. Не такъ бы мнѣ надо говорить съ тобой!..

При этихъ словахъ Едигеръ судорожно сжалъ рукоятку сабли.

— Меня ничего не устрашаетъ, государь! Я со смертью давно ознакомился въ битвахъ.

— Послушай, — сказалъ Едигеръ: — если ты женишься на русской, ты будешь держать сторону русскихъ, нашихъ заклятыхъ враговъ.

— Говорю тебѣ, государь, что честь и слава отечества дороже для меня всего на свѣтѣ. Клянусь великимъ Аллахомъ и пророкомъ его Магометомъ, что мнѣ никогда и на умъ не приходило измѣнить своему отечеству! Можетъ-быть, злые люди оклеветали меня передъ тобою, но я невиненъ.

Царь коварно улыбнулся и, смягчивъ грубый тонъ голоса, сказалъ, пристально смотря на Япанчу:

— Благодарствую, князь! Ты утѣшилъ меня, я совершенно увѣренъ въ справедливости твоихъ словъ. У насъ теперь начинается война съ русскими, и по всѣмъ признакамъ столица наша будетъ скоро окружена врагами, поэтому я повелю всѣхъ русскихъ плѣнниковъ умертвить, чтобъ намъ самимъ не потерпѣть отъ голода. Что ты на это скажешь, князь?

— Спроси, государь, у своего сердца. Я надѣюсь, что оно остановитъ столь недостойное намѣреніе. Русскіе плѣнники такіе же люди, какъ и мы; но только, по несчастью, обречены на тяжкую неволю и рабство.

— Вотъ, князь, послѣдствія привязанности твоей къ россіянкѣ! Ты прежде ненавидѣлъ враговъ, а теперь жалѣешь ихъ.

— Будущее, государь, покажетъ тебѣ, буду ли я щадить враговъ на полѣ брани! Теперь же, государь, ты неправильно называешь плѣнниковъ врагами; они рабы, невольники наши, люди самые несчастные, лишенные родины, но не враги — и вотъ о комъ я жалѣю и кого щажу! Не лучше ли отпустить ихъ назадъ въ отечество или куда они хотятъ, чѣмъ предавать ихъ смерти? Если же ты предашь ихъ смерти, то сколько горькихъ слезъ прольется вмѣстѣ съ проклятіями намъ; самая кровь невинныхъ будетъ вопіять о мщеніи.

— Князь, ты слишкомъ дерзокъ! Передъ кѣмъ ты говоришь?

— Передъ государемъ моимъ, — отвѣчалъ Япанча. Неужели должно страшиться говорить правду? Я никогда во всю жизнь мою не лгалъ, не называлъ черное бѣлымъ, не лицемѣрилъ и буду таковымъ вѣчно.

— Эти свойства души похвальны, но ты долженъ остерегаться дерзости.

— Если я, государь, противъ моей воли, въ пылу сердечномъ оскорбилъ тебя, то прости меня или накажи, — я въ твоей власти.

— Я тебя прощаю, но только съ тѣмъ, чтобъ ты употребилъ всѣ средства къ обращенію твоей невѣсты въ нашу вѣру.

— Это невозможно, государь. Она скорѣе согласится умереть, нежели забыть свою вѣру.

— А ты, князь, неужели оставишь свою?

— И не думалъ никогда.

— Не измѣнишь своему отечеству?

— Позволь, государь, сказать тебѣ, что мнѣ оскорбительны твои сомнѣнія! Неужели ты можешь сомнѣваться въ моей преданности?

Послѣ этого отвѣта Едигеръ нахмурился; глаза его засверкали; поводя рукою по лбу, онъ нѣсколько времени молчалъ; казалось, онъ собирался съ духомъ и готовился отвѣтомъ поразить князя.

— Не предполагай, Япанча, чтобы я тебя не смирилъ за твою дерзость, гордость и непокорство своему царю, котораго ты осмѣливаешься ослушаться. Я тебѣ приказываю и повелѣваю выбрать себѣ жену изъ дочерей вельможъ нашихъ и навсегда

забыть твою недостойную невѣсту, россіянку. Выбирай любое: счастье или смерть!.. — проговорилъ Едигеръ строгимъ и рѣшительнымъ голосомъ.

- Ты говоришь, чтобы я выбралъ счастье или смерть? Счастье можно имѣть только тогда, когда душа покойна и наслаждается безмятежностью! А ты мнѣ предлагаешь горе и мученье! Гдѣ же тутъ счастье? Я отвергаю такой даръ и избираю смерть!

Сказавъ эти слова, Япанча медленно вышелъ изъ комнаты. Едигеръ съ яростнымъ взоромъ смотрѣлъ на уходящаго. Онъ хотѣлъ остановить его, но вошедшій слуга доложилъ, что вельможа Заніетъ давно уже дожидается свиданія съ царемъ.

ГЛАВА V.

— Что ты такъ рано пришелъ, Заніетъ? Еще почти вся Казань спитъ, — спросилъ Едигеръ у входящаго вельможи.—Да ты чѣмъ-то встревоженъ? Лицо твое блѣдно. Ужъ не боленъ ли ты?

— Нѣтъ, государь, я принесъ недобрыя вѣсти: наши лазутчики говорятъ, что они видѣли многочисленныя толпы русскихъ верстахъ въ пятидесяти отъ города.

— Такъ чего же ты такъ испугался? Не первый разъ русскіе приступаютъ къ Казани и съ позоромъ оставляютъ ее. Неужели ты забылъ, чего имъ стоили битвы съ нами? Неужели ты думаешь, что великій Магометъ не защититъ своихъ поклонниковъ? Нѣтъ, Заніетъ, выбрось черныя мысли изъ головы твоей и ожидай спокойно будущаго.

— Я, государь, проживши почти вѣкъ моей жизни, испытавши превратности судьбы, не боюсь никакихъ опасностей; но, любя отечество, мысли мои отчего-то смущаются; сердце вздрагиваетъ отъ мысли о предстоящей войнѣ.

— Я вполнѣ вѣрю тому, что ты очень любишь отечество, которое во всю жизнь твою возвышало

тебя, и что страхъ или опасеніе происходить не отъ чего другого, какъ отъ той же любви. Кого мы любимъ, тому желаемъ всякаго счастья и малыя для него неудовольствія почитаемъ важными ударами судьбы.

— Государь, уныніе сердца предсказываетъ напасти, какъ замѣчаютъ старожилы.

— Такъ, другъ мой, человѣкъ въ преклонныхъ лѣтахъ бываетъ робокъ, какъ ребенокъ, недовѣрчивъ къ тому, на что должно надѣяться.

— Дай Богъ, чтобъ все исполнилось по нашему желанію!

Тутъ Заніетъ поднялъ глаза къ небу и пробылъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, потомъ сказалъ:

— А что государь, видѣлъ ты Япанчу, говорилъ съ нимъ?

— Я все узналъ, Заніетъ; онъ самъ мнѣ признался, что любитъ россіянку, и вотъ его слова: если бы не различіе вѣръ, то она давно бы была его женою. Теперь можно ли еще сомнѣваться, что онъ будетъ щадить нашихъ враговъ — одноземцевъ своей любовницы?

— Нимало, государь! Но мы должны удержать его отъ безчестія.

— Твоя правда. Россіянка должна погибнуть. Но я самъ ее хочу видѣть. Эдимъ обѣщалъ мнѣ это исполнить; еще онъ хотѣлъ найти такого волшебника, который могъ бы заставить любовницу Япанчи принять нашъ законъ.

— Если бы это исполнилось, то лучше бы и не надо.

Разговаривая такимъ образомъ, они рѣшили умертвить бѣдную, несчастную Наташу. Когда бы зналъ Япанча, что готовится для его любящаго сердца, то, вѣрно, употребилъ бы всѣ силы для спасенія своей подруги и ея матери.

Но гдѣ же князь? Онъ скакалъ, проклиная царя, не зная самъ куда. Конь его, привыкшій къ одной дорогѣ, которая вела къ жилищу Наташи, несся быстро къ ней.

Вдругъ какой-то всадникъ мчится ему навстрѣчу, облако пыли взвивается столбомъ изъ-подъ копытъ его коня, и когда онъ поравнялся съ княземъ, то сказалъ въ сильномъ волненіи:

— Наташа и мать ея погибли! Твой хуторъ окруженъ царскими тѣлохранителями, и Эдимъ, по повелѣнію царя, хочетъ увезти твою невѣсту.

— Этому не бывать! — воскликнулъ князь. — Я клянусь спасти мою Наташу, хотя бы это стоило мнѣ жизни! Христіанскій Богъ мнѣ въ томъ поможетъ.

Сказавши это, онъ пригнулся къ шеѣ коня, ударилъ его нагайкой, и борзый конь помчался, едва касаясь земли. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ около своего дома. Оставивъ коня, онъ вбѣжалъ на крыльцо и хотѣлъ было пройти въ комнату, но видный татаринъ, вооруженный мечомъ, заступилъ ему дорогу.

— Кого тебѣ надобно? Не велѣно пускать, — сказалъ татаринъ.

— Прочь! — крикнулъ князь, вынимая мечъ, и ворвался въ комнату, гдѣ татары хлопотали около двухъ женщинъ, которыя были безъ чувствъ.

Это поразило Янанчу.

— Кто васъ прислалъ сюда? — спросилъ онъ грозно.

— Эдигъ, по повелѣнію царя, — отвѣчали татары.

— Что вамъ велѣно дѣлать съ этими женщинами?

— Еще приказа не было, что дѣлать, но думаемъ что казнить, — сказалъ одинъ изъ татаръ.

— И вы смѣете такъ думать! — воскликнулъ князь, взмахнувъ мечомъ. — Прочь отсюда, или я вамъ посшибаю головы!

— Если намъ прикажутъ, то мы не побоимся твоего меча, — сказали нѣкоторые.

— А когда такъ, то я вамъ приказываю итти отсюда!

— Мы должны слушаться своего начальника, а не тебя.

— А вы знаете, кто я? Слыхали вы о князѣ Янанчѣ?

— Слыхали и знаемъ, что онъ славный наѣздникъ.

— Такъ онъ стоитъ передъ вами и приказываетъ вамъ итти вонъ!

Старый татаринъ первый молча вышелъ изъ комнаты, за нимъ пошли и всѣ, проговоривъ:

— Вѣрно, онъ посланъ отъ царя.

Удаливъ такимъ образомъ стражу, онъ кликнулъ невольницъ и съ помощью ихъ началъ приводить

въ чувство свою невѣсту. Скоро Наташа и мать ея пришли въ себя.

— Зачѣмъ ты, князь, такъ долго меня обманывалъ: называлъ меня своей подругой, клялся любить, сулилъ счастливые дни и вдругъ забылъ всѣ клятвы и обѣщанія, предалъ меня царю, какъ будто рабу свою? Неужели ты могъ такъ долго лицемѣрить предъ невинной, неопытной дѣвушкой, которая чистосердечно открылась тебѣ въ любви, полагала все счастье въ тебѣ одномъ, а ты оставилъ ее и предпочелъ мнѣ другую? Я не спорю, что тебѣ назначается невѣста богатая, красивая и знатнаго рода, но можетъ ли она любить тебя такъ, какъ я люблю тебя? Что жъ ты такъ пристально смотришь на меня? Неужели еще хочешь продолжать свое лицемѣріе, которое теперь обнаружилъ? Если ты хочешь воспользоваться моей неопытностью и погубить меня, то знай, князь, что я русская, христіанка. Мой Богъ защититъ меня и спасетъ меня отъ погибели! Что жъ ты ждешь? Ступай къ избранной невѣстѣ, будь ея другомъ: ты меня ужъ больше не увидишь! — такъ говорила въ отчаяніи Наташа.

Печальные взгляды и возбужденный голосъ давали знать, что она была сильно огорчена. Япанча ничего не понималъ и смотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Ахъ, князь, какъ я несчастна, что еще жива... — проговорила Наташа съ отчаяніемъ. — Но Богъ съ тобою; я тебя прощаю! Будь счастливъ, наслаждайся благополучіемъ съ избранной женой, а

я... я буду любить тебя, пока во мнѣ будетъ биться сердце... Ступай, князь, мы сейчасъ оставимъ твое жилище и пойдемъ къ пустыннику: онъ, конечно, приметъ сиротъ на чужбинѣ. Прощай, князь Япанча, будь счастливъ и забудь меня!..

Она не могла продолжать: слезы сильно полились изъ глазъ ея, и она склонила голову на плечо матери.

— Что это значитъ, Наташа? — началъ говорить изумленный князь. — Я ничего не понимаю. Чѣмъ ты такъ разстроена? Кто тебѣ наговорилъ на меня? Все это ложь, гнусная ложь!..

— Твой другъ, Эдимъ, сказалъ мнѣ все!.. И я вѣрю ему.

— Эдимъ!.. Ахъ, Наташа! я виноватъ, что не предупредилъ тебя объ этомъ человѣкѣ! Онъ не другъ мой, а лютый врагъ! Ты не знаешь, какую онъ готовитъ участь мнѣ и тебѣ! По его старанію ты была подъ стражею, и, если бы не я, ты подверглась бы большому несчастію. Я клянусь тебѣ великимъ Магометомъ, что никогда не думалъ измѣнить тебѣ и что все это сущая ложь! Будь увѣрена въ моихъ словахъ: кромѣ тебя, никто не будетъ моею женою! Если же несправедливы мои слова, то да поразитъ меня Аллахъ и его великій пророкъ.

Тутъ князь упалъ на колѣни и съ благоговѣніемъ возвелъ глаза на небо.

— Прости меня, мой другъ, — сказала Наташа, — я обидѣла тебя моими рѣчами! Тутъ, вѣрно, кроется какой-нибудь злой умыселъ. Разскажи же мнѣ, на какое несчастье обрекъ насъ Эдимъ.

Тутъ Япанча разсказалъ подробно, что съ нимъ случилось послѣ вчерашней разлуки, а бѣдная добросердечная Наташа горько заплакала, услыхавъ, что ее и мать ея признаютъ за чародѣекъ.

— Чего не выдумаетъ злоба! — говорила она сквозь слезы.

Затѣмъ она отерла глаза и съ твердостью подошла къ небольшому кивоту, вынула крестъ съ мощами, который былъ всегда при ней, когда выходила изъ дому, взяла его лѣвой рукой, подняла вверхъ и сказала твердо:

— Спаситель міра, и Ты, Пречистая Дѣва Марія, Заступница рода христіанскаго, не предайте насъ въ руки лукаваго, да не посрамится христіанка предъ нечестивыми!

Она упала на колѣни предъ иконами и долго молилась со слезами. Въ глазахъ ея сіяла небесная благодать, и Япанча съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на лицо красавицы. Помолившись, она надѣла на себя животворящій крестъ, прикрѣпленный къ черной лентѣ, и, взявши за руку Япанчу, сказала:

— Повѣрь, мой другъ, никакая злая сила не прикоснется ко мнѣ; всѣ чародѣйства злого волшебника будутъ безуспѣшны: ты увидишь, какъ демонъ безсиленъ предъ Сыномъ Творца Всемогущаго, которому вѣруютъ мои соотечественники. Я готова на всѣ ужасы смерти, но не измѣню своему долгу.

Потомъ, взглянувши на него умиленно и увидавъ на глазахъ его слезы, продолжала:

— Полно, другъ мой, печалиться. Я буду за тебя молиться своему Господу, да отстранитъ Онъ отъ насъ грозную бурю. Будь, мой другъ, покоенъ. Знай, что противъ воли Создателя никто не можетъ возстать. Объ одномъ прошу тебя: если твое благополучіе зависитъ отъ нашей разлуки, то позабудь меня и женись на другой — богатой и славной невѣстѣ. А я, несчастная, буду всегда любить тебя одного... Забудь меня, пусть я буду терзаться до тѣхъ поръ, пока умру... Будь только счастливъ, благополученъ—вотъ мое утѣшеніе и мое всегдашнее желаніе.

— Я не могу быть счастливъ ни съ кѣмъ, кромѣ тебя, моя добрая Наташа! Сердце мое не можетъ принадлежать никому, — оно твое. Жизнь моя мила мнѣ только потому, что я дышу тобою. Повѣрь, я твердъ въ своихъ словахъ: жить или умереть намъ только вмѣстѣ — вотъ мое обѣщаніе!

— Другъ мой, ясный мой соколъ, я даю точно такое же обѣщаніе! — воскликнула Наташа и съ нѣжность обняла Япанчу.

Мать молча глядѣла на взаимныя увѣренія дѣтей; вдругъ въ комнату вошелъ Эдимъ. Всѣ вздрогнули и оглянулись на него.

— Что тебѣ надобно, злодѣй? — строго спросилъ Япанча, взявшись за рукоятку меча. — Какъ ты осмѣлился войти сюда?..

Эдимъ, пораженный такой неожиданной встрѣчей, вздрогнулъ отъ внутренняго гнѣва. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ тихо, сдерживая себя, сказалъ Япанчѣ:

— Я исполняю свой долгъ по службѣ: мнѣ приказано царемъ представить къ нему этихъ женщинъ, поэтому я и осмѣлился прійти сюда.

— А какимъ образомъ царь узналъ, что здѣсь живутъ эти женщины?

— Этому я не причиненъ, князь, — сказалъ Эдимъ въ замѣшательствѣ. — Онъ самъ меня спросилъ, кого вчера Япанча отыскивалъ. Я ему сказалъ: двухъ женщинъ — и только.

Когда Эдимъ говорилъ это, Япанча въ волненіи ходилъ по комнатѣ, затѣмъ, обратясь къ Эдиму, сказалъ ему съ презрѣніемъ:

— Не лги! Я самъ слышалъ твои разговоры съ царемъ; я находился въ другой комнатѣ. Не нужно повтореній! Вотъ тебѣ моя милость и послѣднія слова мои: убирайся отсюда поскорѣе!.. Я самъ представлю царю мою невѣсту!

Эдимъ скрылся. Япанча, подошедши къ матери и дочери и взявши ихъ за руки, сказалъ имъ выразительнымъ голосомъ:

— Согласитесь, друзья мои, исполнить царскую волю: я отвѣчаю за жизнь вашу своей головой.

— Согласна, — сказала Наташа, — итти за тобою всюду.

Послѣ этихъ словъ мать Наташи молча перекрестила дочь свою.

— Я готова! — сказала Наташа.—Веди насъ, куда тебѣ угодно.

ГЛАВА VI.

Было за полдень. Едигеръ одинъ, въ глубокой задумчивости, сидѣлъ въ своей комнатѣ у раскрытаго окна. Солнечные лучи ударяли ему прямо въ лицо, а вѣтерокъ шевелилъ волосы бороды его. Вдругъ толпа вооруженныхъ всадниковъ въѣхала къ нему на дворъ. Раздался крикъ оруженосцевъ и ржаніе коней. Это вывело его изъ задумчивости. Чрезъ нѣсколько минутъ къ нему вошелъ Эдимъ, поклонился и сказалъ съ подобострастіемъ:

— Я исполнилъ, государь, свое обѣщаніе: волшебникъ ожидаетъ твоихъ повелѣній; но гнусныхъ христіанокъ я привесть не могъ: онѣ были ужъ взяты стражею, какъ вдругъ силою чародѣйства увѣдомили Япанчу, и онъ, примчавшись, выгналъ меня, хотя я ему говорилъ, что дѣлаю это по твоему повелѣнію.

— Какъ, онъ смѣлъ ослушаться меня? — воскликнулъ гнѣвно Едигеръ.

— Точно такъ, государь, и обѣщался меня изрубить, — отвѣчалъ Эдимъ.

— Дѣло кончено! Онъ долженъ непремѣнно погибнуть! Возьми двадцать наѣздниковъ и силою приведи его ко мнѣ, вмѣстѣ съ женщинами; между тѣмъ я займусь съ волшебникомъ.

Эдимъ вышелъ, а вмѣсто него вошелъ старикъ, одѣтый въ черный, изъ толстаго сукна, балахонъ, обшитый спереди бѣлыми тесьмами. Старикъ низко поклонился царю. Едигеръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на безобразное лицо колдуна и его странное одѣяніе.

— Откуда ты? — спросилъ царь.

— Моя родина мнѣ неизвѣстна, — отвѣчалъ старикъ. — Съ малолѣтства я живу среди густого лѣса, питаюсь дикими травами и кореньями; міръ совсѣмъ мнѣ незнакомъ; нѣтъ никого родныхъ, все мнѣ чуждо. У меня есть зелья для всякихъ и отъ всякихъ болѣзней. Сердце мое не знаетъ жалости: я готовъ умертвить кого тебѣ угодно. Мрачный лѣсъ и общеніе съ дикими звѣрями сдѣлали меня равнодушнымъ ко всему на свѣтѣ. Я живу и исполняю всякія желанія людей. Повелѣвай, государь, все обѣщаю исполнить.

— Точно ли исполнишь? Даешь ли вѣрное слово?

— У меня вѣренъ только ножъ, государь! Говорю, что исполню.

— Ну, такъ слушай же! Есть двѣ женщины - христіанки, которыя весьма опасны для отечества. Славный татарскій князь влюбился въ одну изъ нихъ, а потому, какъ мы полагаемъ, онъ не будетъ вѣренъ своему отечеству.

— Вотъ что, государь, я отвѣчу на твои слова: у меня есть такіе корни, что какъ скоро онъ войдетъ въ комнату, то стоитъ только зажечь ихъ, чтобы узнать его тайныя мысли. Если онъ замышляетъ измѣну, тогда увидишь, что съ нимъ будетъ.

— А не можешь ли ты сдѣлать, чтобъ его любовница и мать ея отреклись отъ своего закона и приняли нашъ?

— Попытаю, государь! Если же не успѣю, то обращу ихъ въ звѣрей за упрямство, — сказалъ, улыбаясь, волшебникъ.

— Если исполнишь свои слова, то я награжу тебя, чѣмъ только пожелаешь!

— Благодарю за обѣщаніе, государь,— отвѣчалъ чародѣй, вынимая изъ-за пазухи какіе-то коренья.

Между тѣмъ въ другой комнатѣ послышался шумъ. Растворились двери, и вошелъ Япанча, поддерживая одной рукой Наташу; за ними шла мать Наташи — Мароа. Несчастная дѣвушка была покрыта чернымъ покрываломъ, черезъ которое нельзя было разглядѣть ея лица; на шеѣ у нея висѣлъ на черной лентѣ золотой крестъ. Хотя она одѣта была просто, но привлекла на себя вниманіе Едигера. Стройный станъ, благородная походка доказывали ея прелесть. Едигеръ пристально смотрѣлъ на красавицу.

— Вотъ, государь, тѣ женщины, за которыхъ я готовъ положить свою душу. По твоему повелѣнію представляю ихъ тебѣ,—сказалъ Япанча, поклонившись царю.— Ты повелѣлъ Эдиму привести ихъ сюда подъ стражею, но я осмѣлился самъ исполнить твою волю.

— Ты въ этомъ виноватъ, князь, — сказалъ сердито царь. — Ты — ослушникъ царской воли, и тебѣ извѣстно, какую награду заслуживаютъ ослушники. Но теперь не о томъ идетъ дѣло, я тебя прощаю... Которая же твоя невѣста? Позволь мнѣ видѣть ея лицо.

— Нѣтъ, государь, — отвѣчала тихимъ голосомъ Наташа, — обычай моей родины не позволяетъ дѣвушкѣ открывать лицо постороннему мужчинѣ. Да и для чего тебѣ видѣть мое лицо? Оно не такъ привлекательно, чтобы стоило на него смотрѣть.

— Но я хочу видѣть, хочу знать невѣсту моего князя, хочу поздравить его съ выборомъ.

— Государь, — продолжала Наташа, — этотъ выборъ не принадлежитъ волѣ человѣческой, это—выборъ сердца, а потому...

Едигеръ не далъ ей продолжать.

— А потому я хочу видѣть твое лицо!

— Я прошу тебя, государь, отложить свое любопытство, — отвѣчала Наташа и отступила назадъ.— Когда мы будемъ супругами, тогда я сама упаду къ твоимъ ногамъ въ знакъ моей благодарности и оболью ихъ слезами.

— А когда это будетъ? — спросилъ царь.

— Тогда, — отвѣчала дѣвушка, показывая рукою на крестъ, — когда Спаситель нашъ услышитъ мои молитвы, когда сердце моего друга просвѣтится истинною вѣрою во Христа Спасителя.

— Остановись, дерзкая, — закричалъ Едигеръ.— Какъ ты осмѣливаешься такъ говорить при мнѣ? Какъ ты могла вообразить, будто защитникъ отечества и вѣры, князь Япанча, можетъ перемѣнить ту вѣру, въ которой онъ воспитанъ?

— Сильная любовь къ нему заставила меня думать объ избавленіи его отъ муки вѣчной! Сильная любовь къ нему заставила меня преподать ему правила право-

славной вѣры, и онъ своимъ умомъ ясно увидѣлъ большую разность понятій о Богѣ. Ты, государь, хвалишь свою вѣру; разумѣется, всякому свое мило; но если бы вы не были ослѣплены тьмою невѣжества, тогда бы вы познали истиннаго Бога и Сына Его, Христа Спасителя, Который сошелъ на землю, пострадалъ за насъ и принялъ крестную смерть за грѣхи наши. Вотъ передъ тобою образъ Того, Кому мы поклоняемся.

Тутъ она взяла крестъ и подняла его съ благоговѣніемъ вверхъ.

Едигеръ, удушаемый гнѣвомъ, едва могъ проговорить, обращаясь къ оруженосцамъ.

— На смертную казнь ее!

Воины приблизились, чтобы исполнить приказъ царя, но князь подошелъ къ царю и сказалъ:

— Государь! ты не можешь приказать умертвить ее, не умертвивъ меня: она мнѣ дороже жизни!

— Нѣтъ, нѣтъ, добрый князь Япанча, ты не долженъ умирать вмѣстѣ со мною! — вскричала Наташа. — Я приму мученіе за вѣру во Христа и умру спокойно.

Потомъ, обратившись къ стражѣ, Наташа сказала:

— Ведите меня, исполнители царской воли ведите меня на казнь.

Мать ея вышла на средину комнаты и начала говорить, поднимая руки къ небу:

— Пречистая Дѣва, Заступница рода христіанскаго, моли Сына Твоего, да будетъ Онъ помощникомъ намъ въ столь великомъ начинаніи нашемъ! Да подкрѣпитъ Онъ эту юницу во время лютаго мученія, да сподобитъ насъ принять вѣнецъ мученическій!

Наташа сняла крестъ и пала на колѣни; въ это время легкое покрывало слетѣло съ головы ея; Едигеръ былъ изумленъ красотою дѣвушки, его глаза встрѣтились съ ея прекрасными взорами; она покраснѣла и поспѣшно накинула покрывало; но красота ея крѣпко врѣзалась въ сердце Едигера. Онъ подошелъ къ чародѣю, сказалъ ему что-то на ухо, потомъ обратился къ Наташѣ и сказалъ ей:

— Послушай меня, своенравная, но прекрасная женщина! Признавать истиннаго Бога есть мысль всѣхъ народовъ, но способъ исповѣданія различенъ. Итакъ, нашъ Богъ одинъ и тотъ же, Которому поклоняетесь и вы, Который награждаетъ за добродѣтель и наказываетъ за зло. О чемъ же думать? Отрекись отъ твоего Іисуса и вѣруй въ нашего пророка; тогда ты будешь наслаждаться любовью Япанчи, и я осыплю васъ благодѣяніями.

— Не думай, государь, чтобы дочь русскаго боярина могла измѣнить своей вѣрѣ, отечеству и обычаямъ своихъ предковъ; кровь ихъ течетъ въ моихъ жилахъ и животворитъ мое сердце. Твердость характера передана мнѣ вмѣстѣ съ жизнью.

— Исполняй мое послѣднее приказаніе! — закричалъ Едигеръ въ бѣшенствѣ чародѣю.

Ужасный старикъ велѣлъ принести огня, что и было немедленно исполнено. Онъ посыпалъ на него кореньевъ, и комната наполнилась смрадомъ. Всѣ молчали. Обреченныя жертвы — Наташа и Мареа — съ ужасомъ замѣчали всѣ движенія волшебника. Послѣдняя поглядывала въ окно, чрезъ которое видна

была громадная туча, подымавшаяся съ запада. Змѣистая молнія разсѣкала мрачные своды неба. Старушка думала про себя:

«Тамъ подымается рать Царя небеснаго на помощь намъ».

Между тѣмъ Едигеръ въ большомъ смущеніи ходилъ по комнатѣ. Потомъ, какъ будто пробудившись отъ глубокаго сна или испуганный страшнымъ видѣніемъ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ чародѣю: —

— Да скоро ли мы увидимъ дѣйствіе твоихъ чаръ?..

— Государь, трудно превозмочь ея чародѣйство! Не удивительно, что она приворожила къ себѣ Япанчу; она злобная и искуснѣйшая волшебница! Въ ней обитаетъ какая-то таинственная сила, которая разбиваетъ всѣ мои чары.

— Эта непостижимая сила есть благодать моего Господа, у Котораго я просила помощи въ эти горькія минуты,—сказала Наташа.—Никакое волшебство не можетъ противиться всемогуществу Божію. Оставьте, все безполезно!

Затѣмъ дѣвушка перекрестилась и сказала, указывая на крестъ:

— Вотъ мой Заступникъ! Познайте Его и вѣруйте въ Него!

Страшная злоба изобразилась на лицѣ Едигера; онъ быстро подошелъ къ оруженосцу, выхватилъ мечъ и бросился на волшебника; но мечъ мгновенно выпадаетъ изъ рукъ Едигера. Всѣ ужасаются, видя, какъ дѣйствуетъ сила чародѣя.

— Государь,—сказалъ онъ улыбаясь,—оставь напрасный гнѣвъ: меня ничто не можетъ умертвить: никакая сила ни власть, я никого не боюсь!

— Какъ!—воскликнула Наташа.—Ты не боишься и гнѣва Божія, гнѣва Царя небеснаго?.. Вотъ что значитъ не знать Бога и еще въ этой жизни отдаться во власть злыхъ духовъ! Познайте же, сколь Богъ нашъ великъ и милосердъ! Вы видѣли, какъ дѣйствуетъ чародѣйство колдуна противъ царя и какъ оно безсильно противъ меня.

— Молчи!..—воскликнулъ Едигеръ и, быстро поднявши мечъ, подбѣжалъ къ Наташѣ, чтобы поразить ее, но волшебникъ остановилъ роковой ударъ.

— Рази меня, я не боюсь смерти!—сказала Наташа.—Я перейду въ чертоги Царя небеснаго.

Въ это время волшебникъ влилъ какой-то составъ въ кубокъ и, подавая Наташѣ, сказалъ:

— На, пей!

Дѣвушка сбросила покрывало и громко проговорила:

— Господи! яви Свое могущество, да увѣруютъ невѣрующіе въ Единороднаго Сына Твоего! И Ты, Пресвятая Дѣва, сохрани меня подъ кровомъ Своимъ!

Сказавъ это, она протянула руку, чтобы взять кубокъ съ ядомъ. Въ это мгновеніе всю храмину освѣтила яркая молнія, грянулъ громъ, и сосудъ съ губительнымъ зельемъ выпалъ изъ рукъ чародѣя и разбился вдребезги. Самъ чародѣй упалъ на полъ. Всѣ бывшіе въ комнатѣ пали ницъ и воскликнули единогласно:

— Великъ Богъ христіанскій!

ГЛАВА VII.

Послѣ описаннаго случая, Едигеръ, распаленный злобою на христіанъ, торжественно поклялся быть ихъ истребителемъ; а вельможи и духовенство, предъ собраніемъ народа, сыпали проклятія на главу русскаго народа.

— Гибель христіанамъ! Смерть поклонникамъ Христа! — кричали неистовые казанцы, стремясь въ дома несчастныхъ россіянъ.

Они въ бѣшенствѣ тащили ихъ на площадь, гдѣ безжалостно убивали, несмотря ни на полъ ни на возрастъ; и невинная дѣвица и едва лепечущій младенецъ были уже виновны тѣмъ, что родители ихъ были христіане. Многочисленныя жертвы грудами лежали на городской площади. Уже мучители утомились убійствами, какъ вдругъ царь повелѣлъ всѣхъ оставшихся русскихъ плѣнниковъ запереть въ темницы.

Наташа и ея мать жили въ загородномъ домѣ Япанчи подъ строгимъ надзоромъ татарскихъ вельможъ.

Япанча часто отлучался изъ города по дѣламъ военнымъ. Ему поручено было набрать войско изъ окрестныхъ жителей. Дѣло шло съ желаннымъ успѣ-

хомъ: обитатели окрестныхъ мѣстъ стекались подъ казанскія знамена.

— Умремъ, но не переживемъ паденія царства и вѣры предковъ нашихъ!

Вотъ что раздавалось по улицамъ Казани и возвѣщало близкую военную бурю. Самъ Едигеръ ѣздилъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ и воспламенялъ въ жителяхъ храбрость, покорность судьбѣ и надежду на помощь великаго Магомета. Всѣ клялись быть истребителями христіанъ. Вдругъ казанскіе лазутчики донесли царю, что русское воинство приближается.

19 августа Іоаннъ со всѣмъ своимъ блестящимъ войскомъ переправился на луговую сторону Волги.

Это грозное шествіе русскаго царя болѣе и болѣе становилось извѣстно въ Казани, болѣе и болѣе сердца казанцевъ пылали упорной неустрашимостью. Чтобы затруднить передвиженіе русскаго войска и изнурить его силы, казанцы сломали всѣ мосты. Отъ сильныхъ дождей вода выступила изъ береговъ и шумно волновалась въ низменныхъ мѣстахъ. Неутомимое стараніе русскихъ воиновъ преодолѣвало всѣ трудности, и 20 августа они появились подъ стѣнами Казани.

Великолѣпное лѣтнее солнце склонилось уже за темные лѣса, окружающіе Казань, когда русскіе увидали стѣны этого мятежнаго города. Лучи солнца играли на позолоченныхъ верхахъ татарскихъ мечетей и великолѣпныхъ зданіяхъ города; серебристый туманъ волновался по долинамъ. Окрестности были

пустыни, и даже въ самой Казани не раздавалось обычнаго гула народнаго. Русскіе воины радовались окончанію труднаго похода и пылали священной ревностью сразиться съ нечестивыми мятежниками. Радостные крики раздавались въ войскѣ, одушевленномъ младостью и силой. Юный и мощный цвѣтъ Руси находился подъ бранными знаменами. Конные и пѣшіе толпились вмѣстѣ на поляхъ казанскихъ, освѣщаемыхъ заходящимъ солнцемъ, которое какъ будто любовалось на толпившихся витязей. Латы и оружіе воиновъ отбрасывали блестящіе лучи и производили величественную картину. Раскинули палатки, разставили часовыхъ, и всѣ предались крѣпкому сну, кромѣ юнаго царя, который съ боярами бодрствовалъ въ своемъ шатрѣ. Сонъ бѣжалъ отъ его глазъ: священное намѣреніе обратить варваровъ въ вѣру Христову услаждало его пылкій духъ. Воображеніе явно рисовало ему торжество будущей побѣды, и онъ съ свѣтлымъ челомъ сидѣлъ въ своей ставкѣ, когда предсталъ предъ нимъ бѣглецъ изъ Казани — Мурза-Камай. Поклонившись низко царю, Мурза началъ говорить ему:

— Я, государь, пришелъ предложить тебѣ свои услуги; со мною было около двухсотъ товарищей; ихъ оставили въ Казани. Мнѣ извѣстны намѣренія казанцевъ, и ты можешь воспользоваться моими сообщеніями, но напередъ тебѣ говорю, что осада будетъ стоить много крови.

— Я знаю, Мурза, что казанцы поклялись умереть подъ развалинами города. Мною предложено

имъ прощеніе, но они отвергнули его, говоря съ насмѣшкой: «Все готово, ждемъ васъ на пиръ самый торжественный; молнія будетъ освѣщать насъ, пирующихъ; вино — кровь человѣческая—польется рѣками!» Тягостно, горько будетъ похмелье для казанцевъ. Я покажу имъ силу и власть Іоанна, царя Россіи; я покажу имъ, какъ страшно пренебрегать его священными законами.

Тутъ монархъ всталъ и началъ ходить вдоль шатра, всѣ стояли молча, въ ожиданіи его повелѣній. Іоаннъ спросилъ:

— Помогаютъ ли казанцамъ какіе-либо союзники?

— Разныя племена пришли раздѣлить съ ними ихъ участь, а храбрые ногайцы, въ числѣ трехъ тысячъ, поклялись лечь на мѣстѣ или освободить отечество отъ ига ненавистныхъ христіанъ.

— Увидимъ, какъ это исполнится. Слушайте, начальники! Прикажите передовому полку занять Арское поле; правой рукѣ—берегъ Казанки; сторожевому—устье Булака; лѣвой рукѣ стать выше его, наблюдая тишину и порядокъ. Я буду стоять со своей дружиной на царскомъ лугу. Чтобы было въ точности исполнено это повелѣніе, чтобы между младшими была подчиненность къ старшимъ, чтобъ безъ моего распоряженія никто не могъ вступить въ сраженіе!

— Все будетъ исполнено въ точности,—отвѣчалъ князь Владиміръ Андреевичъ, ближній бояринъ и предводитель царской дружины. — Наши молодые воины, любя отечество, будутъ исполнять всѣ повелѣнія любезнаго великодушнаго монарха.

— Теперь, государь, — продолжалъ Мурза, — въ Казани идетъ большой споръ между вельможами и царемъ о томъ, кого поставить начальникомъ конницы. Одни хотятъ князя Япанчу, извѣстнаго славнаго наѣздника, а самъ царь и любимецъ его Заніетъ говорятъ, что онъ не надеженъ, потому что, какъ они полагаютъ, онъ преданъ тебѣ; а потому царь хочетъ выбрать Ислама, — не знаю, чѣмъ это кончится

— Какая же причина заставила думать, что князь Япанча преданъ мнѣ? Это странно!—возразилъ Іоаннъ.

— Причина та, что онъ влюбленъ въ христіанку, дочь одного боярина московскаго, который находится въ плѣну у казанцевъ и, вѣроятно, умеръ. Хотя князь въ самомъ дѣлѣ любитъ эту дѣвушку, но онъ никогда не переставалъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ прежде былъ: его мечъ обнаженъ противъ русскихъ.

— Думаетъ ли онъ ее обратить въ свою вѣру? или ужъ не обращена ли она? — спросилъ Іоаннъ.

— Нѣтъ, государь! Даже самъ Едигеръ хотѣлъ этого, но не могъ осилить убѣжденій этой дѣвушки; видно, Самъ Богъ помогаетъ ей.

— Слышите ли, товарищи,—воскликнулъ Іоаннъ, обращаясь къ сановникамъ,—какъ Всевышній печется о насъ, многогрѣшныхъ, какъ Онъ милостивъ и чадолюбивъ! Ахъ, друзья! послѣ этого можемъ ли мы сомнѣваться въ томъ, что Богъ не явитъ Своей помощи, когда одному изъ вѣрующихъ далъ непобѣдимую силу.

— Богъ намъ защитникъ и помощникъ! Онъ н допустить невѣрныхъ восторжествовать надъ православными! — сказалъ духовникъ Іоанна.

— И вѣдомо такъ, благочестивый царь! Твои уста гласять истину, правда живетъ въ твоемъ сердцѣ. У боговидца Моисея написано: «Аще взыдеши ополчився на враги своя, и узриши кони и всадники и люди, множайшіе тебе, да не убоишься ихъ: яко Господь Богъ твой съ тобою!» — сказалъ другой священникъ.

— А что, Камай, какое житье нашимъ плѣнникамъ? Чай, плохое? — спросилъ царь.

— Сперва ихъ безпощадно мучили и убивали, теперь же Едигеръ приказалъ запереть оставшихся въ темницы.

— Друзья! не пожалѣемъ живота нашего для спасенія нашихъ соотечественниковъ!

— Умремъ или побѣдимъ! — вскричали молодые и престарѣлые воины, и Іоаннъ долго говорилъ съ ними, краснорѣчиво доказывая, а духовникъ подтверждая текстами св. писанія, какая ожидаетъ ихъ награда въ вѣчности.

Наконецъ передъ зарею опустѣла ставка Іоанна, и юныя очи монарха невольно сомкнулись: онъ заснулъ, сидя на скамьѣ.

Въ то же самое время, когда въ станѣ Іоанновомъ все покоилось сномъ, въ городѣ происходили дѣятельныя работы. Казанцы дорожили минутой: рылись въ землѣ и дѣлали подкопы для тайнаго выхода изъ города, чтобы имѣть сообщеніе съ окрестными союз-

никами; укрѣпляли городскія стѣны, устраивали засады; засыпали землею городскія ворота; вкатывали на стѣны бревна, чтобы ими давить непріятеля,— однимъ словомъ принимали всѣ мѣры, къ отчаянной защитѣ города.

Едигеръ созвалъ думу для рѣшительнаго избранія начальника конницы; послѣ долгихъ споровъ былъ избранъ Япанча. Тридцать тысячъ лучшихъ наѣздниковъ были отданы подъ начальство его. Япанча еще разъ поклялся быть истребителемъ христіанъ.

ГЛАВА VIII.

Едва начинало разсвѣтать, какъ вѣстники Іоанновы приказали всему войску готовиться къ приступу. Самъ царь дѣлалъ наставленія ближнимъ сановникамъ. Слухъ о приступѣ сильно потрясъ сердца молодыхъ бойцовъ, еще не видавшихъ военнаго огня. Они прощались другъ съ другомъ, какъ бы предчувствуя вѣчную разлуку. Іоаннъ замѣтилъ нѣкоторую робость въ молодыхъ оруженосцахъ и, окруженный воеводами, вышелъ къ нимъ. Его присутствіе и рѣчь, въ которой онъ говорилъ о долгѣ и чести, сильно подѣйствовали на нихъ; забывъ страхъ, они бросились къ оружію, сомкнулись въ стройные ряды и смѣло, съ спокойнымъ духомъ, ожидали повелѣній начальниковъ.

Солнце величественно катилось по голубому пространству небеснаго свода и освѣщало Казань въ глазахъ воиновъ, соблюдавшихъ порядокъ и тишину и стройно приближавшихся къ Казани. Іоаннъ далъ знакъ, и полки стали, ударили въ бубны, заиграли въ трубы, распустили знамена и святую хоругвь, на которой изображался Іисусъ, а вверху былъ водруженъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ

сѣнію знаменъ, и Іоаннъ опять произнесъ рѣчь къ войску, убѣждая его сражаться мужественно, не жалѣть живота своего для несчастныхъ соотечественниковъ, которые томятся въ неволѣ. Наконецъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно будетъ для побѣды и торжества христіанъ. Тутъ бояре единогласно воскликнули:

— Дерзай, царь! Мы всѣ единою душою за Бога и за тебя!

Духовникъ Іоанновъ благословилъ его и войско на подвигъ славный. Царь взглянулъ на святую хоругвь и воскликнулъ:

— О Твоемъ имени движемся!

Потомъ онъ сѣлъ на коня, украшеннаго богатой сбруей, и повелъ рать прямо къ городу. Казань казалась опустошенною: все было тихо, не видно было ни движенія ни воиновъ на стѣнахъ для защиты. Многіе изъ русскихъ воиновъ радовались, полагая, что непріятель оставилъ Казань, убоявшись московскаго царя.

Такимъ образомъ полки обступили городъ. Въ скоромъ времени навели мостъ черезъ тинистый Булакъ. Семь тысячъ стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ перешли черезъ рѣку и, видя передъ собою царскія палаты и каменныя мечети, лѣзли на высоту, желая пройти мимо города къ Арскому полю. Вдругъ воздухъ огласился крикомъ, растворились ворота, и 15 000 конныхъ татаръ кинулись на стрѣльцовъ нашихъ, разстроили, сломили ихъ. Но юные князья Шемякинъ и Троекуровъ примчались съ сво-

ими дружинами и успѣли удержать бѣгущихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конныхъ, бились грудью, мужественно являя собою каменную стѣну. Скоро сломили непріятеля и съ радостными криками погнали его по трупамъ въ городъ въ виду прочаго войска, которое, любуясь этою первою побѣдою и вмѣстѣ живописною картиною, спокойно занимало свои мѣста. Государь былъ веселъ и посылалъ благодарственныя хвалы къ дѣйствовавшимъ воеводамъ. Потомъ разставили шанцы и три полотняныя церкви: архистратига Михаила, великомученицы Екатерины и святого Сергія. Цѣлый день государь не сходилъ съ коня, объѣзжалъ ряды, поощрялъ молодыхъ воиновъ, еще непривычныхъ къ войнѣ, представлялъ въ примѣръ первую битву передовыхъ полковъ и говорилъ, что Богъ не оставитъ ихъ. Всѣ воины были веселы, клялись другъ предъ другомъ въ вѣрности царю и отечеству, хвалились своимъ оружіемъ, одѣяніемъ и силою и радостно ожидали рѣшительнаго сраженія. Но непріятель во весь день не показывался. Царь къ вечеру собралъ въ своемъ шатрѣ совѣтъ изъ опытныхъ мужей.

Въ это тяжелое время Наташа въ раздумьѣ сидѣла подлѣ окна, въ домѣ Япанчи, когда услыхала выстрѣлы первой битвы нашихъ войскъ съ татарами.

Сердце ея затрепетало, что-то непонятное, невыразимое стѣснило ея дыханіе, и она сказала своей оробѣвшей матери дрожащимъ голосомъ:

— Это стрѣляютъ наши защитники, собратія! Ахъ, дай, Господи, царю русскому истребить корень нечестія и воздвигнуть храмъ истинному Богу! Обрати, Господи, оружіе враговъ нашихъ противъ нихъ самихъ, но спаси жизнь моего друга! Онъ обѣщалъ обратиться къ вѣрѣ Твоей, онъ будетъ такъ же защитникомъ Твоего закона истиннаго, какъ теперь ложнаго. Храни жизнь его, да не умретъ онъ нечестивымъ,

— Да, Наташа, дай, Господь, одолѣть русскому царю! Мы и такъ ужъ много горя и несчастій изведали! Твой отецъ, на третій годъ послѣ моего за мужества, отправленъ былъ на воеводство въ дальніе предѣлы, и я была принуждена разстаться съ нимъ, почувствовавъ беременность тобою. Потомъ тяжкая болѣзнь и одиночество заставили меня разстаться и со старшимъ сыномъ, котораго я отдала въ чужія руки и съ тѣхъ поръ почти не видала его. Ты родилась сиротою и только уже двѣнадцати лѣтъ узнала отца своего, послѣ чего вскорѣ онъ былъ опять отправленъ на войну въ Казань, и вотъ до сихъ поръ мы не знаемъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. А сколько мы претерпѣли горя, отыскивая его, ты уже сама знаешь!.. Непостижимы судьбы Всевышняго! Не можетъ нашъ ограниченный разумъ понять сокровенныя тайны Его! Ахъ, Наташа! помни Бога и знай: кто почитаетъ Его, тотъ не и погибнетъ вовѣки!

Въ это время какой-то прохожій старецъ постучался въ окно.

— Пустите странника отдохнуть! — сказалъ онъ.

— Ахъ, матушка, это тотъ пустынникъ, къ которому мы ходили! — сказлаа Наташа и кинулась къ воротамъ, чтобы принять почтеннаго старца. — Войди, добрый дѣдушка; твое пришествіе есть особый Промыслъ Божій.

Старецъ вошелъ и сѣлъ на лавку, возлѣ лежанки, тяжело переводя духъ. Замѣтно было, что онъ сильно усталъ. Наташа проворно вышла изъ комнаты и вскорѣ возвратилась съ ломтемъ хлѣба и сосудомъ, наполненнымъ молокомъ.

— Ты усталъ и ослабъ, дѣдушка, такъ не хочешь ли закусить? Вотъ все, что мы имѣемъ! — сказала Наташа, подавая ему молоко и хлѣбъ.

— Богъ далъ намъ хлѣбъ насущный только для утоленія голода; ты раздѣляешь съ несчастными послѣдній кусокъ и мнѣ его предлагаешь; я съ благодарностью приму его, чтобы подкрѣпить мои силы. Если я вамъ не буду въ тягость, то позвольте побыть вашимъ гостемъ.

Такъ говорилъ старикъ, обращаясь то къ матери то къ Наташѣ. Затѣмъ онъ помолился Богу и началъ ѣсть. Едва успѣлъ онъ утолить первый голодъ, какъ толпа вооруженныхъ татаръ приблизилась къ дому и вскорѣ вошла въ комнату. Предводителемъ ея былъ Эдимъ.

— Я присланъ къ тебѣ, Наталья, отъ царя. Япанча просилъ его быть твоимъ покровителемъ въ его отсутствіе, а потому онъ прислалъ меня за тобою; ты должна переселиться къ нему, во дво-

рецъ. Тамъ ты будешь жить спокойно. Приготовляйся, ничего не опасаясь, я буду ждать тебя,— сказалъ Эдимъ со взоромъ, ясно показывающимъ ложь.

Дѣвушка была поражена этими словами. Ей грустно было разстаться съ тѣмъ кровомъ, гдѣ она проводила время покойно, въ уединеніи, занимаясь трудами и молитвою. Она также знала, что значитъ жить во дворцѣ, и даже угадывала причину такого вниманія Едигера. Хотя она со слезами умоляла Эдима попросить царя оставить ее въ своемъ мѣстѣ, но онъ слушалъ ее хладнокровно и даже втайнѣ радовался ея горю. Низкая душа всегда радуется несчастью другого

— Я не могу исполнить твоей просьбы: мнѣ царь приказалъ непремѣнно привести тебя въ его чертоги. Готовься, не заставляй царя ожидать себя!

— Послушай, Эдимъ, заклинаю тебя Богомъ живымъ, скажи мнѣ, точно ли царь съ добрыми намѣреніями зоветъ меня къ себѣ?

— Я говорю, что онъ приказалъ привести тебя для того, чтобы ты была покойна, а впрочемъ, почему мнѣ знать его тайныя мысли? Готовься же, время идетъ!

— Почтенный старецъ! благослови меня и помолись за меня Богу! Твоя молитва угодна Ему. Матушка, собирайся же! Дѣлать нечего: должно повиноваться судьбѣ. Богъ намъ защитникъ.

— Надѣйся на Бога, Онъ не оставляетъ уповающихъ на Него! — сказалъ старецъ со слезами на

глазахъ, благословляя дрожащею рукою Наташу и мать ея.

Принявши благословеніе отъ пустынника и со слезами помолившись предъ иконами, мать и дочь стали готовиться въ путь. Эдимъ запретилъ имъ брать съ собою что-либо, и несчастныя женщины, съ страшнымъ предчувствіемъ, въ другой разъ помолились и пошли за Эдимомъ, который, сказавъ что-то на ухо высокому и здоровому оруженосцу, повелъ ихъ по дорогѣ не ко дворцу, а къ тюрьмѣ.

Каково было положеніе женщинъ? Что онѣ могли ожидать въ будущемъ, когда были въ рукахъ злодѣевъ? «Боже мой, сохрани мою милую Наташу!» думала мать, отирая на глазахъ слезы. Различныя скорбныя думы наполняли ея душу, и она едва могла слѣдовать за Эдимомъ, который молчалъ и, злобно улыбаясь, глядѣлъ на трепещущую Наташу. Наконецъ онъ сказалъ, обращаясь къ дѣвушкѣ:

— Вотъ, прекрасная христіанка, посмотрю я теперь, помогутъ ли тебѣ твои чары?.. Иди, передъ тобой темница!

Бѣдныя женщины горько заплакали. Три воина и Эдимъ ввели ихъ въ тюрьму.

Длинные, мрачные коридоры освѣщались сквозь отверстія въ стѣнахъ, въ которыя дулъ пронзительный вѣтеръ. Наташа привыкла къ этимъ переходамъ, посѣщая прежде заключенныхъ здѣсь земляковъ. Когда же они вошли въ казематы, гдѣ находились узники, то тѣ, узнавши свою утѣшительницу, кричали отовсюду:

— Какъ! и ты идешь въ эти мрачные подвалы, въ жилище скорби и мученія, покровительница наша? Господи! доколѣ Ты будешь терпѣть злодѣйства враговъ имени Твоего?

За этимъ послѣдовали вопли страдальцевъ; раздался громъ цѣпей, которыми они были скованы.

— Вотъ тебѣ чертоги царскіе! — сказалъ Эдимъ Наташѣ, указывая на лавку, вдѣланную въ стѣнѣ.— Ты здѣсь можешь быть покойна; простись съ твоей матерью: она должна занять въ другой половинѣ такое же мѣсто!

Несчастныя хотѣли что-то сказать, но, зарыдавъ упали другъ другу на шею и долго оставались въ объятіяхъ. Эдимъ растащилъ ихъ. Надѣвши цѣпь на Наташу, онъ скрылся съ матерью въ темнотѣ переходовъ.

Долго Наташа была въ оцѣпенѣніи; наконецъ, очнувшись, зарыдала неутѣшно. Мрачная темница придала ей больше горя; стенанія узниковъ и грохотъ цѣпей заставляли трепетать и обливаться кровью ея сострадательное сердце.

Разставшись съ Наташей, Япанча поѣхалъ просить помощи у своихъ сосѣдей, народовъ разныхъ племенъ. Большая часть ихъ поспѣшила помочь своимъ единовѣрцамъ. Безчисленными толпами стекались они въ назначенное мѣсто—въ густой и непроходимый лѣсъ, окружавшій Казань. Ревностный князь, казалось, забылъ о своей любви къ русской дѣвушкѣ: онъ безпрестанно ѣздилъ между собиравшимися воинами, поощряя ихъ къ мужественному

сопротивленію русскимъ; самъ клялся быть яростнымъ истребителемъ ихъ и не опускать до тѣхъ поръ меча въ ножны, пока русскіе не возвратятся со стыдомъ во-свояси. Всѣ воины обѣщались биться до послѣдняго издыханія и осыпали русскихъ проклятіями. Въ день битвы Япанча съ небольшой дружиной выѣхалъ изъ лѣса и, поднявшись на высокій холмъ, расположился отдохнуть и хорошенько осмотрѣть позицію русскихъ для удобнѣйшаго нападенія на нихъ. Вскорѣ началась первая битва. Япанча не вступалъ въ сраженіе, выжидая удобнаго случая; но битва скоро прекратилась. Въ это время на дорогѣ показался пустынникъ, который былъ свидѣтелемъ новаго несчастія Наташи. Когда онъ приблизился къ отряду, Япанча окликнулъ его, пустынникъ тотчасъ узналъ князя и сказалъ ему:

— Спѣши избавить Наташу, она въ опасности: Эдимъ повелъ ее къ царю!

Сказавши это, онъ поспѣшилъ къ русскому стану. Япанча, пораженный его словами, не зналъ, что дѣлать. Затѣмъ онъ, повидимому, сообразивъ что-то, обратился къ отряду и подозвалъ къ себѣ сотеннаго начальника Ибрагима. Передавъ Ибрагиму команду надъ войскомъ, Япанча быстро поскакалъ въ городъ.

Онъ не поѣхалъ ко дворцу, а направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ была тюрьма русскихъ плѣнниковъ. Соскочивъ съ лошади, онъ привязалъ ее къ столбу и приказалъ часовому караулить ее, а самъ поспѣшно пошелъ по тюремнымъ коридорамъ. Когда

онъ проходилъ ихъ, заключенные кричали ему, зная, что онъ любилъ Наташу:

— Спѣши избавить свою подругу отъ смерти! Злодѣй Эдимъ поклялся умертвить ее, если она не удовлетворитъ его сладострастію.

Япанча слушалъ и пылалъ отъ гнѣва; вдругъ его поражаетъ жалобный голосъ:

— Ты ли это, князь Япанча? Ахъ, спѣши избавить несчастную узницу!

— Это ты, Наташа? — воскликнулъ Япанча и хотѣлъ поцѣловать ея руку, но вмѣсто руки схватилъ холодную цѣпь, которой она была прикована.

— Да ты въ цѣпяхъ! Какой злодѣй и за какое преступленіе такъ жестоко наказалъ тебя?

— Нашъ общій врагъ, Эдимъ,—от ѣчала Наташа

Япанча клинкомъ своего меча отшибъ оковы, но Наташа была до того слаба, что не могла итти.

— Другъ мой,—сказала она,—и мать моя находится въ тюрьмѣ, только не знаю, въ какомъ мѣстѣ. Злодѣй разлучилъ ее со мною и повелъ туда,— указала она въ темноту коридора.

Япанча взялъ Наташу за руку и повелъ впередъ Они прошли почти уже всѣ отдѣленія, но не находили матери Наташи. Подошедши къ одной двери, которая была заперта большимъ желѣзнымъ замкомъ, Япанча толкнулъ ее ногою; раздался глухой гулъ, и вслѣдъ за нимъ слабый, дрожащій голосъ произнесъ:

— Эдимъ! Эдимъ! скоро ли ты прекратишь мои страданія.

Наташа и Японча узнали голосъ старушки; князь мечомъ своимъ отшибъ тяжелый замокъ и предсталъ предъ изумленной матерью Наташи.

— Ахъ, князь! Какимъ образомъ узналъ ты о нашемъ заключенiи? — воскликнула несчастная мать Наташи. — Видно, Самъ Богъ послалъ тебя къ намъ! Злодѣй хотѣлъ замучить меня за то, что я, по его словамъ, умѣю чародѣйствовать. Я клялась, но онъ не вѣрилъ. Поспѣшимъ отсюда, не то онъ можетъ застать насъ.

Едва старушка сказала это, какъ раздался въ отдаленiи глухой голосъ Эдима, а черезъ нѣсколько минутъ онъ и самъ явился предъ раздраженнымъ Япончою.

— Какъ ты осмѣлился, князь, ослушаться приказанiй царскихъ? Самъ царь велѣлъ посадить ихъ въ тюрьму, а ты самовольно освобождаешь ихъ,— сказалъ, дрожа отъ злости, Эдимъ.

— А тебя сажаю!— добавилъ Японча и накинулъ цѣпь ему на шею.

Эдимъ выхватилъ мечъ и хотѣлъ было ударить Япончу, но тотъ увернулся, и самъ ударилъ Эдима такъ сильно, что тотъ упалъ на землю.

— Сиди же здѣсь, злодѣй! Вотъ настоящее твое мѣсто,— сказалъ Японча, захлопнувъ за Эдимомъ желѣзную дверь и наложивъ на нее замокъ.

Эдимъ кричалъ, ругался, страдалъ, но Японча спокойно вышелъ вонъ, ведя одной рукой Наташу, а другою мать ея. Онъ вывелъ ихъ за городъ и направился къ своему стану; но едва они вышли на

поляну, какъ толпа русскихъ наѣздниковъ окружила ихъ.

— Что вы за люди?—спросилъ начальникъ русскаго отряда.

— Русскіе, плѣнники, бывшіе въ стѣнахъ Казани, — отвѣчала Наташа.

— Куда же вы идете?

— Еще и сами не знаемъ: куда будетъ угодно судьбѣ, — сказала Марѳа.

— Если такъ, то ступайте за мной, я васъ отведу въ станъ русскихъ.

Наташа взглянула на Япанчу, какъ бы спрашивая его, пойдетъ ли онъ съ ними; но князь тотчасъ понялъ ея мысли и отвѣчалъ тихо:

— Я буду слѣдовать за тобой до тѣхъ поръ, пока ты будешь въ безопасности.

Начальникъ дружины и нѣкоторые изъ воиновъ сошли съ коней и молча пошли къ русской ставкѣ. Не долго было ихъ шествіе. Наташа и мать ея радовались, что находятся, наконецъ, между своими собратіями и слышатъ родной языкъ. Начальникъ подошелъ къ часовому, сказалъ ему что-то и вошелъ въ шатеръ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова вышелъ съ какимъ-то молодымъ, высокаго роста и красивой наружности воиномъ, который, приблизившись къ пришедшимъ, сказалъ:

— Васъ хочетъ видѣть самъ царь.

Наташа еще никогда не видала царя, а мать ея видѣла его, когда онъ былъ младенцемъ. Вошедши въ палатку, онѣ почтительно поклонились и стали

въ молчаніи. Молодой воинъ подошелъ къ витязю, сидѣвшему на скамьѣ, и что-то почтительно сказалъ ему.

— Давно ли вы переселились въ Казань? — спросилъ витязь Наташу.

— Съ годъ, — отвѣчала Наташа.

— Что васъ принудило жить въ этомъ городѣ?

Тутъ выступила мать Наташи и, заплакавъ, сказала:

— Я отыскивала здѣсь моего мужа, пропавшаго послѣ одного сраженія съ татарами. Но до сихъ поръ я не могу отыскать его. Онъ, вѣрно, умеръ.

— Гдѣ же ты жила и у кого?

— Сперва я и дочь моя были невольницами у царскаго вельможи, а потомъ одинъ казанскій князь, именемъ Япанча, выкупилъ насъ изъ неволи и позволилъ жить въ своемъ домѣ.

— Какая же тому причина?

— Онъ полюбилъ мою дочь и обѣщалъ жениться на ней, принявши христіанскую вѣру послѣ войны.

— Ваши приключенія достойны вниманія, и потому вы должны разсказать ихъ подробно... А это что за воинъ? — продолжалъ онъ, обращаясь къ Япанчѣ.

— Я—князь Япанча, будущій женихъ Наташи,— отвѣчалъ онъ.

— Какъ же ты попалъ къ намъ?

— Я хотѣлъ проводить мою невѣсту, потомъ возвратиться къ своимъ обязанностямъ. Еще мнѣ хо-

тѣлось бы видѣть русскаго царя, о которомъ я слышалъ много хорошаго.

— Я исполню твое желаніе; ты видишь передъ собою царя Россіи: я — Іоаннъ.

Япанча преклонилъ колѣно и потомъ продолжалъ:

— Великій государь, я надѣюсь, что ты простишь мое дерзкое любопытство. Я теперь исполнилъ свое желаніе; позволь мнѣ возвратиться къ моему долгу.

— Твой поступокъ показываетъ благородную душу. Благодарю тебя за твою откровенность и за довѣріе ко мнѣ; ты смѣло можешь возвратиться назадъ.

Япанча поцѣловалъ руку царя, простился съ Наташей и ея матерью и вышелъ изъ шатра.

По выходѣ Япанчи царь обратился къ боярамъ и сказалъ:

— Если Едигеръ имѣетъ много такихъ защитниковъ, то намъ трудно будетъ взять Казань.

ГЛАВА IX.

Утромъ, несмотря на ясную погоду съ вечера, поднялась сильная буря; полилъ дождь съ сильнымъ вѣтромъ и градомъ; все небо обложилось тучами. Буря сорвала царскій и другіе шатры, потопила суда съ запасами хлѣба и привела всѣхъ въ отчаяніе. Это было 24 августа. Всѣ полагали, что войны не будетъ, что Іоаннъ возвратится домой, не взявши Казани. Но юный царь былъ непоколебимъ: онъ послалъ въ Свіяжскъ и въ Москву за съѣстными припасами, за теплой одеждой для воиновъ и готовъ былъ зимовать подъ Казанью, но не отступать.

Утромъ 25 августа легкія дружины Шемякина и Троекурова, желая соединиться съ полками правой стороны, должны были выдержать нападенія непріятелей; натиски враговъ были отражаемы, но не прекращались. Наконецъ князь Хилковъ, глава всѣхъ передовыхъ отрядовъ, смѣлымъ ударомъ рѣшилъ дѣло: русскіе остались побѣдителями. На другой день также были стычки; 27 числа русскіе открыли сильную пальбу по городу, продолжавшуюся почти цѣлый день. Во все это время Іоаннъ или въ церкви передъ иконою Спасителя молился или посылалъ приближенныхъ ободрять сражающихся.

Татары въ этомъ сраженіи оказали отчаянное сопротивленіе; невзирая на сильный огонь, они не укрывались за стѣнами города, но съ дикимъ отчаяніемъ бросались на толпы русскихъ. Долго окрестности казанскія оглашались неистовымъ воплемъ ратниковъ; много крови было пролито въ этотъ несчастный день. Наконецъ передъ утромъ битва кончилась, — не потому, что одержалъ кто-нибудь побѣду, но потому, что и русскіе и татары утомились до изнеможенія. Прошелъ день. Наступило утро, и съ восходомъ солнца битва снова закипѣла. Самъ государь на бѣломъ конѣ разъѣзжалъ между рядами воиновъ и воодушевлялъ ихъ. Гдѣ только онъ ни появлялся, вездѣ раздавался громкій кличъ: «Умремъ или побѣдимъ!»

Къ полудню битва кончилась. Русскіе совершенно разбили татарскія полчища. Іоаннъ благодарилъ вождей и ратниковъ; послѣ трехдневныхъ кровопролитныхъ сраженій въ русскомъ станѣ настала тишина.

Между тѣмъ татарскій царь во дворцѣ своемъ собралъ всѣхъ воеводъ, участвовавшихъ въ этихъ сраженіяхъ, и представлялъ имъ всѣ несчастія, которыя могутъ постигнуть Казанское царство, если они такъ худо будутъ выдерживать битвы. Наконецъ, когда уже всѣ клялись умереть или побѣдить непріятеля, царь спросилъ:

— А гдѣ Япанча?

Одинъ оруженосецъ, бывшій въ собраніи, подошелъ къ царю и сказалъ:

— Онъ поручилъ мнѣ управленіе надъ войскомъ только на нѣсколько часовъ, но между тѣмъ уже третій день, какъ его нѣтъ съ нами.

— Гдѣ же онъ? — спросилъ царь.

— Неизвѣстно, — отвѣчалъ оруженосецъ.

— Ступай же ты къ войску и разошли гонцовъ искать его.

Оруженосецъ поклонился и вышелъ. Уже вечерѣло; Едигеръ не распускалъ собранія.

Вдругъ раздался сильный залпъ; дрогнуло сердце Едигера, смутились татарскіе князья и начальники. Едигеръ подошелъ къ окну и увидалъ половину Казани въ дыму. Когда вѣтеръ разнесъ дымъ, царь сказалъ оруженосцамъ:

— Русскіе не хотятъ дать отдохнуть намъ, но я надѣюсь на васъ, вѣрные и храбрые защитники отечества, что и вы, въ свою очередь, не дадите отдохнуть врагу!

— Клянемся великимъ Магометомъ, что мы оправдаемъ твое мнѣніе о насъ! — отвѣчали единогласно окружающіе.

Въ это время вбѣжалъ, запыхавшись, оруженосецъ и проговорилъ:

— Государь, если не прикажешь Япанчѣ поспѣшить на помощь нашимъ передовымъ отрядамъ, которые бьются съ непріятелемъ, то русскіе одолѣютъ насъ.

— Что намъ дѣлать? — сказалъ Едигеръ. — Япанча ужъ третій день, какъ куда-то скрылся... Но, горе ему, если это есть слѣдствіе его постыдной страсти

въ россіянинѣ! Друзья мои, поспѣшите на помощь своему отечеству! Постарайтесь отыскать Япанчу, убѣдите его возвратиться къ долгу чести. Время не терпитъ!

Всѣ поклонились царю и спѣшно вышли изъ комнаты.

А Япанча все это время съ небольшой дружиной нападалъ на русскіе отряды, отправлявшіеся за провіантомъ, и разбивалъ ихъ, чѣмъ сильно тревожилъ русскихъ. Теперь онъ приближался къ Арскому лѣсу, гдѣ былъ его шумный многочисленный станъ. Нестройные голоса татаръ оглушали окрестности и сливались съ отдаленнымъ гуломъ сражающихся воиновъ: и русскіе и татары, несмотря на вечеръ, продолжали биться.

Когда князь приблизился къ толпамъ своихъ ратниковъ, то многіе за разъ воскликнули:

— Вотъ онъ, князь Япанча!

Одинъ оруженосецъ, отличавшійся оружіемъ и одѣяніемъ отъ прочихъ, подошелъ къ нему и, поклонившись, сказалъ:

— Я присланъ къ тебѣ отъ царя съ приказомъ.

— Съ какимъ?

— Чтобъ ты поспѣшилъ на помощь сражающимся. Русскіе одолѣваютъ нашихъ!

— Будетъ исполнено! — отвѣчалъ Япанча и съ этими словами повернулъ коня и крикнулъ трубачу-татарину, стоявшему въ сторонѣ: — Трубы сборъ!

Раздался дикій звукъ трубы, и во всемъ станѣ поднялось волненіе: одни садились на коней, другіе

надѣвали оружіе, третьи строились рядами и выѣзжали на поляну.

Когда всѣ собрались и заняли свои мѣста, Япанча выхватилъ саблю и съ крикомъ: «За мной!» вихремъ помчался къ тому мѣсту, гдѣ кипѣло сраженіе. Какъ грозная туча налетѣлъ князь со своими наѣздниками на русскихъ и смялъ ихъ...

— Руби! Вотъ князь татарскій! — кричали со всѣхъ сторонъ, и удары сыпались на стальную броню Япанчи, но онъ мощно отражалъ ихъ. Гдѣ только онъ ни появлялся, груды тѣлъ устилали путь его.

Такимъ образомъ сѣча продолжалась недолго. Русскіе скоро уступили Япанчѣ и оставили поле битвы.

Гдѣ въ это время были Наташа и мать ея? Онѣ переселились изъ шумнаго военнаго стана въ покойное и тихое убѣжище пустынника. Послѣ разлуки съ Япанчою, Наташа грустная сидѣла въ хижинѣ старца. Какое-то тяжелое предчувствіе щемило ея сердце. Она думала о томъ, что Эдимъ, освободившись изъ тюрьмы, не оставитъ ея въ покоѣ. Пустынника теперь не было дома: онъ отлучился въ лѣсъ за дровами. Думы Наташи были прерваны какимъ-то неяснымъ шумомъ и топотомъ коней; вскорѣ толпа всадниковъ окружила хижину, и черезъ нѣсколько минутъ раздался грубый голосъ Эдима.

— Наконецъ я васъ нашелъ, мои милыя. Теперь никто не лишитъ меня удовольствія видѣть вашу казнь! Готовьтесь, васъ ожидаетъ смерть!

Наташа и мать были поражены словами изверга.

— Чѣмъ мы заслужили это? — спросила Наташа.

— Тѣмъ,—отвѣчалъ Эдимъ,—что вы чародѣйки, что силою чаръ своихъ отуманили разумъ князя Япанчи, — и онъ измѣнилъ своему отечеству.

— Неправда!—сказала Наташа.—Я люблю князя, но никогда не старалась сдѣлать изъ него измѣнника.

— Я долго говорить не намѣренъ, и потому вы должны слушаться моихъ приказаній: готовьтесь къ ожидающей васъ участи!.. Эй, молодцы, берите ихъ!— приказалъ Эдимъ.

— Что угодно будетъ Богу, то съ нами и будетъ,— сказала мать, когда оруженосцы грубо потащили ихъ изъ хижины пустынника.

Каково же было удивленіе старца, когда онъ, пришедши въ хижину, не нашелъ тамъ женщинъ. Онъ не зналъ, что дѣлать и что подумать.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками,—должно-быть, татары открыли мое убѣжище: мы пропали.

И съ этими словами старецъ горько заплакалъ. Первою его мыслью, когда онъ немного успокоился, было—пойти къ Япанчѣ и разсказать ему все случившееся, что онъ и исполнилъ въ тотъ же вечеръ.

Япанча, узнавъ о несчастіи Наташи, сѣлъ на коня и поскакалъ прямо въ городъ; но его задержали русскіе часовые и представили къ начальнику, какъ шпіона. По счастью, тутъ случился самъ царь, который, узнавъ коня, спросилъ его:

— Что это значитъ, князь? Ты полюбилъ насъ, что такъ часто жалуешь къ намъ въ гости? Какая причина этому?

Япанча объяснилъ, и царь немедленно приказалъ пропустить его въ городъ. Князь подъѣхалъ прямо къ тюрьмѣ и спросилъ у стражи:

— Дома ли смотритель темницы, Эдимъ?

— Онъ у царя, — отвѣчалъ ему сторожъ.

— Не приводили ли сюда какихъ-нибудь невольницъ?

— Нѣтъ, — сказалъ сторожъ.

Япанча поѣхалъ прямо во дворецъ. Соскочивъ съ коня, онъ пошелъ во внутреннія комнаты, гдѣ было собраніе у Едигера. Въ дверяхъ князь встрѣтился съ Наташей и ея матерью: ихъ вели оруженосцы.

— Куда вы ихъ ведете? — спросилъ онъ у одного изъ оруженосцевъ.

— Въ тюрьму, а потомъ на смерть, — отвѣчалъ кто-то изъ толпы язвительнымъ голосомъ.

Япанча узналъ злобный голосъ Эдима и подошелъ къ нему; но тотъ закричалъ и кинулся къ Едигеру. Князь бросился за нимъ. Эдимъ кинулся въ ноги царю и жалобнымъ голосомъ просилъ защиты отъ Япанчи.

— Онъ меня хочетъ убить! — говорилъ Эдимъ.

— Дерзкій клеветникъ! — воскликнулъ смущенный Япанча. — Ты произносишь ложь передъ своимъ владыкой. Долго ли ты будешь обманывать добраго царя нашего?..

Едигеръ въ продолженіе этой сцены сидѣлъ въ молчаніи; потомъ онъ грозно спросилъ Япанчу:

— Какъ ты могъ, князь, оставить свой станъ для защиты двухъ иноплеменныхъ женщинъ? Если тебя непріятель пропустилъ въ городъ, который такъ строго стережется имъ, то, конечно, ты заодно съ нимъ.

— Нѣтъ, государь, не думай такъ низко о своемъ вѣрномъ слугѣ. Я не измѣнникъ отечеству, но съ помощію великодушнаго русскаго царя пришелъ сюда для спасенія этихъ женщинъ. Я разъ былъ въ станѣ русскомъ, разговаривалъ съ царемъ московскимъ и, признаюсь откровенно, плѣнился его добродушіемъ.

— Ты измѣнникъ! — вскричалъ задыхающимся голосомъ Едигеръ. — Какъ ты смѣешь хвалить моего врага? Не знаю, кто говоритъ твоими устами... Ужъ не подкупленъ ли ты? Когда такъ, то знай, что я завтра же велю казнить тебя вмѣстѣ съ твоей невѣстой. Пускай всѣ видятъ, какъ я наказываю измѣнниковъ отечества!

— Я не измѣнникъ! — воскликнулъ пылающій отъ гнѣва князь. — Пусть меня постигнетъ казнь за мое прямодушіе, я умру спокойно.

— Молчи, дерзкій юноша, молчи! Не то сейчасъ же велю прекратить твою жизнь!

— Повелѣвай, я готовъ, — сказалъ хладнокровно Япанча.

— Сними съ себя оружіе, а съ нимъ и свое достоинство и слѣдуй за Эдимомъ въ тюрьму.

Япанча снялъ мечъ, поцѣловалъ его и сказалъ:

— Прости, мой вѣрный товарищъ, гроза непріятелей! Ужъ болѣе князь Япанча не будетъ владѣть тобою!

Съ этими словами князь положилъ свое оружіе къ ногамъ царя, поклонился и вышелъ въ сопровожденіи Эдима. Женщины съ ужасомъ смотрѣли на Япанчу.

— Возьмите и ихъ! — сказалъ Едигеръ, указывая на женщинъ.

Стража увела Наташу и ея мать

На другой день, утромъ, небольшой отрядъ русскихъ конныхъ воиновъ напалъ на татарскихъ часовыхъ, которые были разставлены возлѣ Арскаго лѣса и охраняли станъ Япанчи. Это обстоятельство вызвало въ поле всю татарскую конницу; русскіе стали отступать. Непріятельскія дружины ринулись впередъ. Въ это мгновеніе воевода Шуйскій, стоявшій со своими войсками въ скрытомъ мѣстѣ, ударилъ на непріятеля. Татары смѣшались и начали отступать къ лѣсу; но сильный отрядъ русской конницы, объѣхавши кругомъ, отрѣзалъ имъ дорогу. Послѣ долгой и кровопролитной сѣчи татары почти всѣ пали отъ руки русскихъ.

— Побѣда! — воскликнули русскіе.

— Мы погибли! — кричали татары.

Іоаннъ и все войско были въ радости.

Едигеръ и вельможи печально слушали вѣстника, который говорилъ объ истребленіи дружины князя Япанчи.

— Такъ, государь! Русскіе на пространствѣ десяти верстъ гнали наши полчища. Можетъ-быть, это случилось оттого, что съ нами не было нашего храбраго князя Япанчи,—говорилъ гонецъ присланный съ поля битвы.

— Призови ко мнѣ Япанчу, — сказалъ царь, гнѣвно посмотрѣвъ на Эдима.

Черезъ нѣсколько времени Япанча стоялъ передъ своимъ царемъ.

— Прости меня, князь! — сказалъ ласково Едигеръ. — Я возвращаю тебя прежнее твое достоинство и начальство надъ наѣздниками.

— Которыхъ уже нѣтъ, государь, — отвѣчалъ Япанча, горько улыбаясь. — Поздно! Ты видишь, что выставлено на сторожевой башнѣ? — При этомъ онъ указалъ въ окно на угольную башню, на которой развѣвалось черное знамя. — Прости, государь! Я больше не нуженъ отечеству: я отслужилъ ему службу и иду въ тюрьму умереть!

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты. Едигеръ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ:

— Великій Магометъ! спаси царство Казанское, не попусти торжествовать врагамъ нашимъ!

Въ русскомъ станѣ весело праздновали побѣду. И юноши, и возмужалые воины, и знатные воеводы,— словомъ, все войско Іоанна прославляло Создателя. Іоаннъ, окруженный побѣдоносными вождями, подъ сводомъ яснаго неба, подъ сѣнію знаменъ, слушалъ благодарственный молебенъ. По окончаніи молебна онъ пошелъ къ войску, привѣтствовалъ его

съ побѣдой, радостно благодарилъ всѣхъ и, повидимому, былъ веселъ, хотя на самомъ дѣлѣ въ лицѣ его была замѣтна печаль, которую онъ старался скрыть. Когда онъ возвратился въ свой шатеръ, то сказалъ воеводамъ:

— Друзья и товарищи! до этого времени дѣло шло съ перемѣннымъ счастьемъ; но приближается зима, а мы еще не видимъ конца нашему дѣлу.

Всѣ внимали словамъ царя; на всѣхъ лицахъ ясно изображалась готовность положить за него душу свою.

Онъ продолжалъ:

— Пора, товарищи, рѣшить начатое! Надежда на Бога должна воодушевлять насъ. Помолимтесь Ему и станемъ дѣйствовать!

— Никто, какъ Богъ! — раздалось въ шатрѣ.

Долго Іоаннъ бесѣдовалъ съ вѣрными воеводами, но вотъ ему донесли о прибытіи размысла, или инженера, который уже десятый день велъ подкопъ подъ тайный городской ходъ, которымъ казанцы ходили подъ землею за водой. Царь велѣлъ позвать его, и человѣкъ лѣтъ пятидесяти вошелъ почтительно въ шатеръ.

— Исполнено твое приказаніе, государь: тайникъ подкопанъ; одиннадцать бочекъ пушечнаго зелья вкачено? Когда повелишь взорвать его?

— Завтра поутру, — отвѣчалъ Іоаннъ.

ГЛАВА X.

Рано утромъ, на Казанской площади, недалеко отъ тюрьмы, нѣсколько человѣкъ татаръ поставили двѣ висѣлицы. Когда висѣлицы были готовы, распоряжавшійся работами Эдимъ послалъ увѣдомить объ этомъ царя, а самъ отправился въ темницу къ Япанчѣ.

— Радуйся, князь,—сказалъ онъ:—двѣ славныхъ висѣлицы я поставилъ для тебя и для твоей невѣсты; но не думай, князь, что это я дѣлалъ самъ по себѣ — нѣтъ, по приказанію царя!

— Я никогда не думалъ, чтобы Эдимъ захотѣлъ моей смерти: ты вѣдь давнишній мой пріятель,— сказалъ князь.

— И подлинно, — отвѣчалъ Эдимъ. — Послушай князь, если хочешь быть въ живыхъ, отдай царю свою дѣвчонку.

При этихъ словахъ Япанча вспыхнулъ и сильно рванулъ цѣпь, такъ что она вырвалась изъ стѣны. Эдимъ испугался, но въ это время вдали раздались многіе голоса, и Едигеръ, въ сопровожденіи Заніета и многихъ другихъ, приблизился къ нимъ.

— Что ты, Эдимъ? — спросилъ царь, увидавъ, что Эдимъ въ судорожныхъ движеніяхъ катается по полу, но Эдимъ только стоналъ. — Что ты, что съ

тобой сдѣлалось? — продолжалъ спрашивать Едигеръ.

Тогда Эдимъ, какъ бы приходя въ себя отъ безпамятства, отвѣчалъ царю:

— Заступись, царь правовѣрныхъ! Заступись за вѣрнаго раба твоего! Князь Япанча едва не убилъ меня! Охъ, даже ногу переломилъ цѣпью!

Едигеръ въ бѣшенствѣ обратился къ изумленному князю и спросилъ его:

— Кто освободилъ тебя?

Япанча не отвѣчалъ.

— Скажи, Эдимъ, кто освободилъ его?

— Невѣста его прилетала сюда въ видѣ какой-то страшной птицы и выташила цѣпь изъ стѣны, — отвѣчалъ Эдимъ.

Едигеръ выхватилъ мечъ и бросился на князя, но князь ударомъ цѣпи по мечу обезоружилъ царя.

— Знай, Едигеръ, — воскликнулъ возмущенный Япанча, — что ты не въ правѣ убить меня, потому что я невиненъ! Этотъ воплощенный дьяволъ клевещетъ на меня!

— Нѣтъ, государь! клянусь Магометомъ, что я говорю правду! — вопилъ Эдимъ.

Едигеръ схватилъ мечъ въ обѣ руки и устремился на князя, но тотъ махнулъ цѣпью и въ другой разъ вышибъ мечъ.

— Ты еще смѣешь защищаться! — закричалъ въ неистовствѣ Эдигеръ. — И противъ кого же? Противъ царя своего, которому принадлежитъ жизнь твоя!

— Царь, ты поступаешь несправедливо! — громко и неустрашимо произнесъ Япанча.

— Смерть, смерть ему! — закричалъ Едигеръ. — На висѣлицу его! Онъ измѣнникъ! Врагъ! Черезъ него мы гибнемъ, черезъ него русскіе поражаютъ насъ. Ведите его на казнь. Пусть онъ погибнетъ на глазахъ всего казанскаго народа. Пусть гнусное тѣло его расклюютъ хищныя птицы!

Нѣкоторые изъ стражи взяли Япанчу и повели, а другіе пошли за женщинами. Вскорѣ всѣхъ осужденныхъ — Япанчу, Наташу и мать ея — привели на площадь и поставили у висѣлицъ.

— Ты видишь, преступный измѣнникъ, что тебѣ остается жить нѣсколько минутъ, — говорилъ Едигеръ. — Признайся откровенно: какой цѣной подкупилъ тебя русскій царь?

Япанча ничего не отвѣчалъ.

— А, ты молчишь, измѣнникъ! — вскричалъ озлобленный царь. — Ведите его на помостъ.

Князя хотѣли вести, но онъ самъ взошелъ, поклонился на всѣ стороны народу и сказалъ съ твердостью:

— Народъ казанскій! не почитай меня преступникомъ. Человѣкъ, сдѣлавшій зло, не можетъ быть въ эту минуту такъ спокоенъ, какъ я. Боже всемогущій! Ты видишь мои сокровенныя помышленія, исполни предсмертную молитву мою: даруй миръ и благоденствіе землѣ казанской!

Въ эту минуту Наташа, блѣдная, трепещущая, вырвалась изъ рукъ стражи и бросилась къ ногамъ Япанчи.

— Будь христіаниномъ, доблестный князь, и ты получишь жизнь вѣчную! — вскричала дѣвушка, обнимая ноги князя.

— Вѣрую во Іисуса Христа, Спасителя міра, какъ ты мнѣ говорила! — отвѣчалъ Япанча, со слезами взирая на небо.

Наташа мгновенно сняла съ шеи крестъ и, надѣвъ на Япанчу, воскликнула:

— Все исполнилось! Ты мой супругъ вѣчный, никто не въ силахъ тебя отнять у меня! Теперь помолимся вмѣстѣ Спасителю, да приметъ Онъ насъ въ царство вѣчное.

Въ это самое время потряслась земля, съ трескомъ полетѣли на воздухъ городскія стѣны и башни. Солнце затмилось отъ дыма и пыли. Народъ казанскій, оглушенный и устрашенный взрывомъ, съ воплемъ кинулся въ разныя стороны. Русскіе воины ворвались въ городъ. Нѣсколько всадниковъ окружили осужденныхъ.

— Это, кажется, тѣ женщины, — сказалъ одинъ всадникъ, — которыя были у насъ въ станѣ?

— Онѣ самыя, — отвѣчали ему многіе голоса.

Начальникъ отряда велѣлъ подать имъ коней.

Всѣ быстро помчались за городъ. Подъѣзжая къ царскому шатру, они увидѣли одного почетнаго воина, спѣшившаго къ нимъ навстрѣчу. Едва они остановились, какъ воинъ съ крикомъ радости бросился къ Наташѣ и Мареѣ.

— Слава Богу, что я васъ вижу въ живыхъ! Спасибо тебѣ, Япанча!

— Это ты, почтенный пустынникъ? — сказалъ удивленный князь. — Насилу я могъ узнать тебя. Какъ къ тебѣ присталъ военный нарядъ.

— Я рожденъ быть воиномъ,—отвѣчалъ онъ, цѣлуя его.—Я рожденъ быть несчастнымъ и счастливымъ.

— Да, кажется, и всѣ такъ сотворены,—сказалъ Япанча.

Тутъ они подошли къ царскому шатру. Іоаннъ, въ сопровожденіи бояръ, вышелъ къ нимъ навстрѣчу.

— Государь! — сказалъ Япанча, — я исполнилъ долгъ отечеству; принадлежалъ ему, доколѣ совѣсть моя позволяла, но теперь я рѣшительно принадлежу тебѣ, какъ истинному государю и защитнику несчастныхъ. Я хочу быть христіаниномъ и твоимъ подданнымъ.

Государь обрадовался, обнялъ Япанчу и сказалъ окружающимъ:

— Я надѣюсь, что Казань скоро будетъ нашей. Одинъ изъ лучшихъ ея защитниковъ находится среди насъ, какъ братъ нашъ.

Затѣмъ, обращаясь къ Наташѣ, сказалъ:

— Ты обѣщалась выйти за него замужъ, когда онъ будетъ христіаниномъ; теперь ничто не мѣшаетъ тебѣ исполнить это обѣщаніе. Пусть нынѣшній день будетъ ознаменованъ побѣдою и крещеніемъ славнаго героя. Я буду вамъ отцомъ въ знакъ того, что уважаю добродѣтель и храбрость.

При этихъ словахъ женщины кинулись въ ноги къ Іоанну и облобызали ихъ, а Япанча преклонилъ колѣни.

Вскорѣ все приготовлено было къ крещенію. Наташа сняла съ груди крестъ свой и, подавая его царю, сказала:

— Пусть этотъ крестъ, который былъ всегда моимъ хранителемъ, будетъ охранять и моего друга.

При этихъ словахъ оруженосецъ, который былъ пустынникомъ, воскликнулъ:

— Дочь моя!..—и съ этими словами упалъ безъ чувствъ.

Изумленный Іоаннъ приказалъ разстегнуть одежду стараго воина и освѣжить грудь его водою... Когда это исполнили, то Мароа, мать Наташи, сказала:

— Это мужъ мой! Вотъ слѣды той раны, которая прославила его имя.

Всѣ цѣловали другъ друга и плакали отъ радости. Немного успокоившись, старый воинъ разсказалъ, какъ онъ, скрывшись изъ плѣна, сдѣлался пустынникомъ.

Япанча принялъ крещеніе. Іоаннъ былъ его воспріемникомъ; онъ поздравилъ его и сказалъ:

— Ну, сынъ мой крестный, теперь надо кончать начатое, а свадьбу твою мы справимъ уже въ Москвѣ.

Царь ввѣрилъ ему начальство надъ конницею и началъ готовиться къ окончательному приступу. Онъ приказалъ рыть большіе подкопы подъ стѣны Казани. Работы эти продолжались три недѣли. 1 октября Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось, и велѣлъ воинамъ очистить души свои покаяніемъ. Но, прежде чѣмъ начать приступъ, государь еще разъ хотѣлъ испытать силу увѣщанія: по-

слалъ въ послѣдній разъ сказать казанцамъ, что онъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному русскими войсками и до половины разрушенному. Царь требовалъ немедленной сдачи Казани. Казанцы отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь и на стѣнѣ Русь: не боимся, поставимъ иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ или отсидимся!

Тогда государь началъ устраивать войско къ *великому дѣлу*...

Утромъ, еще солнце не всходило, русскія и татарскія дружины стояли въ боевомъ порядкѣ, ожидая сигнала ринуться другъ на друга. Въ тишинѣ русскаго стана слышалось пѣніе священниковъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже всходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе и, едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* — грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть; здѣсь онъ увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всей Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслись вверхъ въ облакахъ дыма и падали на городъ. Служба прекратилась въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и приказалъ продолжать обѣдню. Когда діаконъ предъ царскими дверями громогласно молился: да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да низвергнетъ всякаго врага и супостата подъ ноги его, — раздался новый ударъ; взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго.

Тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* русскіе полки быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые и непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили со стѣнъ:

— Алла! Алла!

И ждали враговъ, не стрѣляя ни изъ луковъ ни изъ пищалей: они мѣрили глазами разстояніе. Вдругъ ужасный залпъ грянулъ съ казанскихъ стѣнъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но русскіе, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣнъ. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ, но русскіе воины не берегли себя, не прятались за щиты; они неустрашимо взбирались на стѣны... Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для русскихъ. Число ихъ уменьшалось: многіе пали мертвыми или ранеными. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязливыхъ. Одни кинулись въ проломъ, другіе взобрались на стѣны, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ и проломахъ. И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ литургію, выѣхалъ на бранномъ конѣ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на удѣлѣвшихъ башняхъ Казани. Все войско однимъ крикомъ привѣтствовало государя съ побѣдой. Такъ пало Казанское царство. Іоаннъ съ Япанчою торжественно прибылъ въ Москву.

Япанча обвѣнчался съ Наташей и былъ вполнѣ счастливъ.

КОНЕЦЪ.

НАРОДНЫЯ КНИГИ въ 3 листа
СВѢТСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Алеша Поповичъ.
Англичанинъ и индусъ.
Анекдоты Балакирева.
Аника воинъ.
Арапъ Петра Великаго.
Астрологъ.
Атаманъ Иванъ Кольцо.
Атаманъ Львиное сердце.
Бабушка Марѳа,
Безъ вины виноватый.
Битва русскихъ съ кабардинцами.
Блуждающій вѣчный жидъ.
Бова королевичъ.
Борисъ Годуновъ.
Братъ на брата.
Брынскій лѣсъ.
Веселый сапожникъ.
Влюбленный чортъ.
Внукъ Петра Великаго.
Волшебное наслѣдство.
Въ когтяхъ льва.
Въ пустынѣ Суагели.
Въ плѣнахъ у китайцевъ.
Вѣдьма или черный воронъ за Днѣстромъ.
Гнѣздо разбойниковъ.
Горе отъ ума.
Громобой.
Гуакъ.
Дочь Раджи.
Дочь цыганки.
Дубровскій.
Ерема Урванъ.
Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Ерусланъ Лазаревичъ.
Жизнь за царя.
Заднѣпровская вѣдьма.
Звѣроловъ.
Иванъ Богатырь.
Иванъ Мазепа.
Иванъ-царевичъ и сѣрый волкъ.
Изъ-подъ вѣнца въ заточеніе.
Илья Муромецъ.
Капитанъ Мусграфъ.
Караванъ мормоновъ.
Карлъ Смѣлый.
Каторжникъ, невинно осужденный.
Китайскіе пираты.
Князь Серебряный.
Кожаный чулокъ.
Кондрашка Булавинъ.
Конекъ горбунокъ.
Королева Мадагаскара.
Кощей безсмертный.
Красавица Жанна.
Краснокожій принцъ.
Кузьма Рощинъ.
Кузьма Сарафонтовъ.
Купецъ Аксеновъ.
Купецъ Иголкинъ.
Ледяной домъ.
Любовный письмовникъ.
Людоѣдъ.
Маруся.
Марѳа посадница.
Месть негра.
Миссіонеры въ Австріи.
Могила дочери.
Морскіе разбойники.
Москаль чаровникъ.
На бортѣ пиратскаго корабля.

Тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* русскіе полк
быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, тверды
и непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопил
со стѣнъ:

— Алла! Алла!

И ждали враговъ, не стрѣляя ни изъ луковъ н
изъ пищалей: они мѣрили глазами разстояніе. Вдруг
ужасный залпъ грянулъ съ казанскихъ стѣнъ: пул
каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но русскі
ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигл
стѣнъ. Казанцы давили ихъ бревнами, обливал
кипящимъ варомъ, но русскіе воины не береглис
не прятались за щиты; они неустрашимо взбиралис
на стѣны... Тутъ малѣйшее замедленіе могло бы
гибельно для русскихъ. Число ихъ уменьшалос
многіе пали мертвыми или ранеными. Но смѣлые г
ройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязл
выхъ. Одни кинулись въ проломъ, другіе взобрали
на стѣны, несли другъ друга на головахъ, на пл
чахъ, бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ и пр
ломахъ. И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслуша
литургію, выѣхалъ на бранномъ конѣ въ поле, знаме
христіанскія уже развѣвались на уцѣлѣвших
башняхъ Казани. Все войско однимъ крикомъ пр
вѣтствовало государя съ побѣдой. Такъ пало Каза
ское царство. Іоаннъ съ Япанчою торжественно пр
былъ въ Москву.

Япанча обвѣнчался съ Наташей и былъ впол
счастливъ.

КОНЕЦЪ.

НАРОДНЫЯ КНИГИ въ 3 листа
СВѢТСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Алеша Поповичъ.
Англичанинъ и индусъ.
Анекдоты Балакирева.
Аника воинъ.
Арапъ Петра Великаго.
Астрологъ.
Атаманъ Иванъ Кольцо.
Атаманъ Львиное сердце.
Бабушка Мареа.
Безъ вины виноватый.
Битва русскихъ съ кабардинцами.
Блуждающій вѣчный жидъ.
Бова королевичъ.
Борисъ Годуновъ.
Братъ на брата.
Брынскій лѣсъ.
Веселый сапожникъ.
Влюбленный чортъ.
Внукъ Петра Великаго.
Волшебное наслѣдство.
Въ когтяхъ льва.
Въ пустынѣ Суагели.
Въ цѣпяхъ у китайцевъ.
Вѣдьма или черный воронъ за Днѣстромъ.
Гнѣздо разбойниковъ.
Горе отъ ума.
Громобой.
Гуакъ.
Дочь Раджи.
Дочь цыганки.
Дубровскій.
Егоръ Урванъ.
Ермакъ Тимоеeевичъ.
Еруcланъ Лазаревичъ.
Жизнь за царя.
Заднѣпровская вѣдьма.
Звѣроловъ.
Иванъ Богатырь.
Иванъ Мазепа.
Иванъ-царевичъ и сѣрый волкъ.
Изъ-подъ вѣнца въ заточеніе.
Илья Муромецъ.
Капитанъ Мусграфъ.
Караванъ мормоновъ.
Карлъ Смѣлый.
Каторжникъ, невинно осужденный.
Китайскіе пираты.
Князь Серебряный.
Кожаный чулокъ.
Кондрашка Булавинъ.
Конекъ горбунокъ.
Королева Мадагаскара.
Кощей безсмертный.
Красавица Жанна.
Краснокожій принцъ.
Кузьма Рощинъ.
Кузьма Серафонтовъ.
Купецъ Аксеновъ.
Купецъ Иголкинъ.
Ледяной домъ.
Любовный письмовникъ.
Людоѣдъ.
Маруся.
Мареа посадница.
Месть негра.
Миссіонеры въ Австріи.
Могила дочери.
Морскіе разбойники.
Москаль чаровникъ.
На бортѣ пиратскаго корабля.

